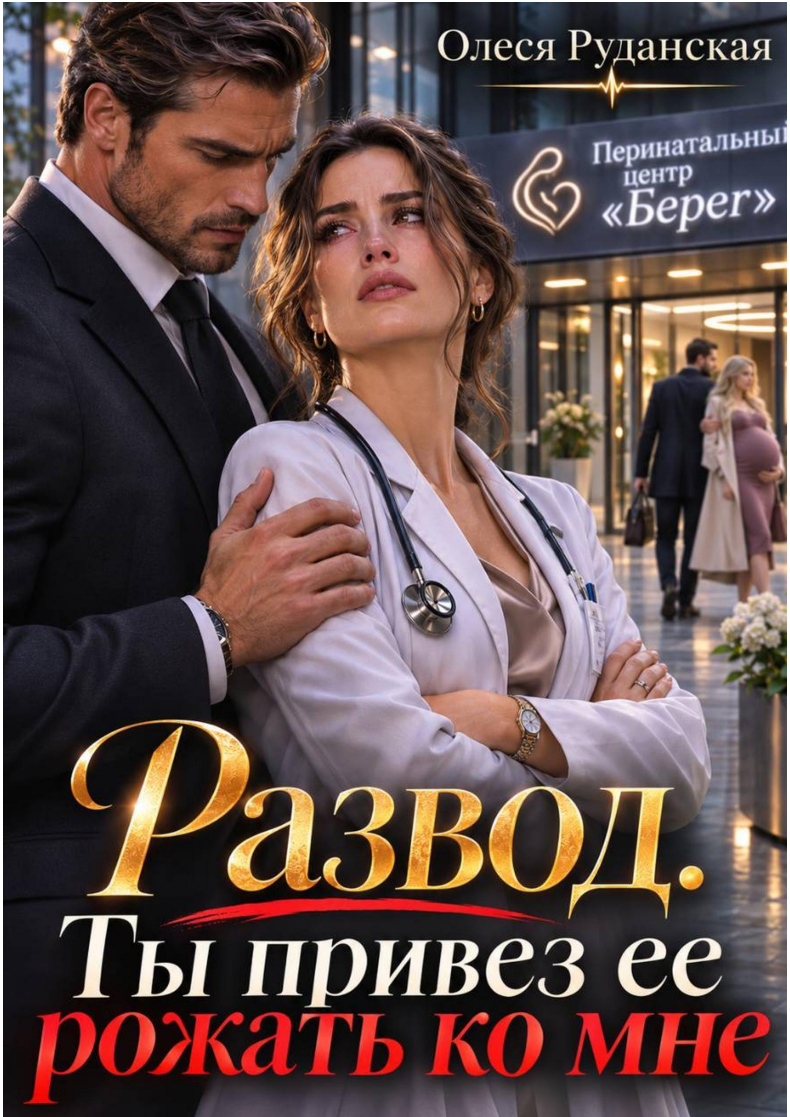

Олеся Руданская
Перинатальный центр «Берег»
Развод.
Ты привез ее рожать ко мне

Олеся Руданская

Развод. Ты привез ее рожать ко мне

https://litres.ru/74796078
SelfPub; 2026

Аннотация

— Вера, пожалуйста, помоги ей. Ты же лучший врач.

Мой муж произнес эти слова, когда привез в мой роддом свою любовницу. Она рожала ему сына. А я в тот вечер собиралась сообщить, что сама беременна.

Восемь лет брака. Годы ожидания ребенка. И чужая женщина, которой Максим подарил все, о чем я так долго мечтала.

Теперь он просит меня не разрушать семью. Уверяет, что любит. Предлагает забыть измену ради нашего будущего малыша.

Но я выбираю развод.

Я думала, что больше никогда не смогу довериться мужчине. Пока в моей жизни не появился Андрей Ратников — властный, состоятельный владелец медицинского центра и мой главный врач.

Он смотрит на меня так, словно я единственная женщина в мире. Не боится моей беременности и не скрывает своего желания быть рядом.

Только смогу ли я снова поверить в любовь, если однажды уже доверила сердце человеку, который меня предал?

Содержание

Глава 1. Ты привез ее ко мне 5
Глава 2. У нас тоже будет ребенок 44
Глава 3. Мое место здесь 97
Глава 4. Вечер без объяснений 146
Конец ознакомительного фрагмента. 151

Олеся Руданская
Развод. Ты привез ее рожать ко мне

Глава 1. Ты привез ее ко мне

В тот вечер я собиралась сказать мужу, что у нас будет ребенок.

А он привез ко мне женщину, которая уже рожала его сына.

Но в начале смены я еще ничего об этом не знала.

Я сидела в ординаторской, смотрела на телефон и пыталась придумать, как сообщить Максиму новость.

«Нам надо поговорить».

Нет. После такой фразы любой нормальный человек решил бы, что случилось что-то плохое.

«У меня для тебя сюрприз».

Тоже глупо. Максим не любил сюрпризы, особенно когда возвращался после тяжелого рабочего дня.

Я стерла сообщение и убрала телефон в карман халата.

— Вера, ты чего улыбаешься? — спросила Марина, заглянув в ординаторскую. — У нас еще две поступающие. Рано радоваться.

— Я и не радуюсь.

— Конечно. Просто сидишь с таким лицом, будто тебе премию выплатили.

— Может, и выплатили.

— Тогда хоть шоколадку принеси. Я сегодня без обеда.

Марина работала старшей акушеркой приемного отделения. За пять лет нашего знакомства я научилась различать по ее голосу, насколько серьезные неприятности нас ожидали. Сейчас она просто устала.

— Принесу, — пообещала я. — Только сначала закончим.

Она исчезла за дверью, а я еще раз взглянула на часы: 18:42. До конца смены оставалось чуть больше часа.

Обычно в это время я уже собиралась домой. Основную часть недели вела прием в амбулаторном крыле нашего перинатального центра «Берег», консультировала беременных, наблюдала женщин после родов. Но на этой неделе согласилась поменяться дневными сменами с Ириной. Ей нужно было освободить вечер, и Ольга Седова, заведующая родильным отделением, согласовала обмен. В результате вторую половину дня я провела в приемном отделении родильного корпуса.

Ничего необычного.

За пять лет работы я сотни раз подменяла коллег, оставалась на разборы сложных случаев, брала дополнительные обязанности. Привычка соглашаться иногда раздражала даже меня саму.

Сегодня, впрочем, я не жалела. Утром удалось выспаться. Потом спокойно позавтракать, разобрать результаты обследования и почти целый час провести в маленьком магазине детских товаров, куда я зашла совершенно случайно.

Во всяком случае, именно так я собиралась объяснить себе эту покупку.

В сумке лежали белые пинетки. Совершенно ненужные пока вещи. Мягкие, крошечные, с двумя смешными ушками. Я купила их, хотя прекрасно знала, что на девятой неделе беременности рановато собирать приданое. Но стоило мне представить, как Максим возьмет эти пинетки в руки, как я переставала думать о собственной осторожности.

Мне было тридцать четыре года. Я восемь лет состояла в браке. И только три дня назад впервые услышала от врача слова, которые раньше произносила десяткам других женщин:

— Поздравляю, Вера. Беременность развивается, срок примерно девять недель.

Я еще переспросила, хотя прекрасно все понимала. Врач улыбнулась.

А я смотрела на монитор и пыталась представить, что крошечное пятнышко на экране когда-нибудь станет человеком. Настоящим. С руками, ногами, собственным характером и привычкой будить нас по ночам. Нашим с Максимом ребенком.

Мы долго шли к этому решению. Вернее, долго ждала я.

Сначала Максим открывал свое адвокатское бюро вместе с партнерами. Тогда было совершенно не до детей. Потом они расширялись, брали крупных клиентов, покупали новое помещение. После появилась квартира, которую муж непременно хотел обустроить до рождения ребенка. Потом очередная причина. Я соглашалась.

Мне нравилась моя работа. Я не чувствовала себя несчастной без детей, но чем ближе подходила к тридцати пяти годам, тем труднее было отвечать знакомым, что мы еще не решили.

Особенно когда муж уверенно говорил:

— Вер, ну куда нам сейчас торопиться? У нас вся жизнь впереди.

Три месяца назад мы впервые серьезно поссорились из-за этого. Я сказала, что больше не хочу ждать неопределенного будущего, в котором у Максима наконец закончится работа и появится подходящий момент.

Он долго молчал. Потом обнял меня и ответил:

— Хорошо. Давай попробуем.

Я тогда расплакалась. Максим даже растерялся.

— Вер, ну что ты? Я же согласился.

— Знаю.

— Тогда почему плачешь?

Я не смогла объяснить, что иногда от облегчения плачут не меньше, чем от горя.

И вот теперь все получилось.

Я представляла, как мы скажем его родителям. Как моя старшая сестра Лида начнет немедленно составлять список вещей, которые понадобятся ребенку. Как Максим впервые растеряется по-настоящему, не потому что клиент сорвал сделку, а потому что в нашем доме появится человек, с которым невозможно договориться на выгодных условиях.

Я даже знала, когда сообщу ему.

Сегодня.

Мы должны были поужинать дома. Вчера Максим обещал освободиться пораньше.

Я достала телефон. От мужа пришло сообщение.

«Сегодня поздно. Не жди».

Я нахмурилась.

«Что случилось?»

Он прочитал почти сразу.

«Срочное дело. Потом объясню».

Я смотрела на экран дольше, чем следовало.

За восемь лет брака я привыкла к этим сообщениям. Срочный клиент, важная встреча, переговоры, которые нельзя перенести. Максим был известным адвокатом. Партнером крупного бюро. Его постоянно приглашали на конференции, просили о консультациях, ждали решений.

Я гордилась им. Правда.

Когда мы познакомились, у него еще не было дорогой машины и собственного кабинета с панорамными окнами. Он работал в небольшом юридическом отделе, жил в съемной

квартире и приходил ко мне после ночных дежурств с горячими пирожками из круглосуточной пекарни.

Однажды зимой у меня сломалась машина. Было почти три часа ночи, шел мокрый снег, я стояла возле закрытой парковки и никак не могла вызвать такси. Максим приехал через двадцать минут. В старом свитере, с небритым подбородком и термосом чая.

— Садись, доктор, — сказал он. — Будем спасать тебя от переохлаждения.

Мне тогда казалось, что с таким мужчиной можно пережить все.

Я убрала телефон в карман. Сегодня он вернется поздно. Ничего страшного. Я могла подождать еще один день.

— Вера Андреевна! — позвала Марина из коридора. — Посмотрите, пожалуйста, тридцать вторую. Жалуется на головокружение.

Я поднялась. Работа всегда умела возвращать меня в настоящее. Следующие двадцать минут прошли обычно.

Женщина на тридцать восьмой неделе беременности, приехавшая с мужем, испугалась внезапной слабости. Мы проверили ее состояние, уточнили жалобы, организовали необходимые обследования.

Пока Марина занималась документами, я разговаривала с пациенткой. Муж стоял рядом, бледный и напряженный, словно рожать собирался сам.

— Доктор, это опасно? — спросил он.

— Сейчас мы ничего не будем угадывать, — ответила я. — Проверим и уже по результатам решим, что делать дальше.

Женщина посмотрела на него.

— Антон, сядь. Ты меня нервируешь.

Он послушно сел.

Я невольно улыбнулась.

Мне нравились такие мужчины. Не идеальные, не всегда спокойные, иногда задающие десяток одинаковых вопросов, зато совершенно не скрывавшие, как им дорог человек рядом.

Когда супруги ушли с акушеркой на дальнейшее обследование, я вдруг представила Максима возле собственной больничной кровати.

Он наверняка привез бы целую сумку вещей. Зарядку для телефона, воду, документы, сменную одежду. Потом начал бы выяснять, насколько надежно организована работа отделения. Я бы смеялась над ним. А он делал бы вид, что не замечает. От этой мысли стало тепло.

Впрочем, ненадолго.

В последние дни меня немного подташнивало. Приступы накатывали неожиданно, особенно когда я долго не ела. Я достала из ящика пачку сухого печенья, съела одно и запила водой.

Марина заглянула снова.

— Опять не обедала нормально?

— Обедала.

— Когда?

— Днем.

— Очень содержательно.

— Марин, у тебя новая профессия? Диетолог?

— Нет. Просто не хочу потом искать тебе свободную кушетку.

Она взяла печенье из моей пачки и ушла. Я рассмеялась.

А через несколько минут услышала, как открылась дверь приемного отделения.

— Добрый вечер! — позвала женщина из коридора. — У нас договор на роды. Схватки уже частые.

Марина отозвалась первой:

— Проходите. Сейчас поможем.

Я машинально посмотрела на часы: 19:10. До конца смены оставалось пятьдесят минут.

Женщина появилась в дверях, придерживая большой живот обеими руками. На ней было просторное бежевое платье и расстегнутый светлый кардиган. Длинные волосы собраны в небрежный хвост. Лицо красивое, бледное, испуганное. Она остановилась, пережидая схватку.

— Подождите... Сейчас...

Мужчина рядом осторожно придержал ее под локоть.

— Оксан, спокойно. Не торопись. Я здесь.

Я узнала голос раньше, чем увидела его лицо. Сначала даже не поверила.

Наверное, потому, что услышать знакомый голос на работе было вполне возможно. Максим несколько раз приезжал за мной. Иногда встречал возле входа, приносил забытые вещи.

Но этот голос звучал иначе — тихо, нежно, с той особенной интонацией, которую я когда-то считала предназначенной только для себя.

Я подняла голову.

Максим стоял рядом с незнакомой женщиной. В темно-синем костюме, без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки. Волосы чуть растрепаны. На лице заметное напряжение.

Он держал ее за руку. Не просто помогал идти. Его пальцы переплетались с ее пальцами так естественно, как бывает у людей, которые привыкли прикасаться друг к другу.

Я посмотрела на их руки. Потом на его лицо.

— Максим?

Он резко повернул голову. И остановился. Я никогда прежде не видела, чтобы мой муж так растерялся. Секунду он просто смотрел на меня. Затем взгляд метнулся к моему бейджу, к Марине, к двери за моей спиной.

— Вера?

Женщина рядом тяжело выдохнула.

— Макс, пожалуйста, не сейчас...

Он даже не посмотрел на нее.

— Ты... Что ты здесь делаешь?

Я не сразу поняла вопрос.

— Работаю.

— Но ты же...

Он замолчал.

В этот момент я все еще могла придумать объяснение. Нелепое, невероятное, но объяснение. Может быть, его клиентка. Может быть, он помог знакомой добраться до больницы. Может быть, отец ребенка застрял где-то в дороге. В конце концов, я не имела права делать выводы только потому, что мужчина держал женщину за руку. Даже если этим мужчиной был мой муж.

— Добрый вечер, — произнесла я, обращаясь к пациентке. — Меня зовут Вера Андреевна. Я врач акушер-гинеколог. Как вы себя чувствуете?

Она с усилием разжала пальцы Максима.

— Схватки... Сначала были не такие сильные.

— Давайте пройдем сюда. Марина вам поможет.

— Я могу сама.

Она сделала шаг и снова остановилась.

Максим тут же наклонился к ней.

— Осторожно, милая.

Милая.

Я услышала это совершенно отчетливо. Так он называл меня в первые годы брака. Последний раз, наверное, года три назад. Мне хотелось спросить, давно ли это слово снова стало частью его жизни.

Но женщина передо мной с трудом дышала во время схватки. А я была на работе.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Марина. — Сейчас все оформим.

Я прошла к столу. Руки оставались послушными. Это удивило меня сильнее всего. Я ожидала, что не смогу двигаться, говорить, думать. Но тело помнило привычные действия. Я открыла необходимую форму.

— Фамилия, имя, отчество?

— Белова. Оксана Сергеевна.

— Сколько полных недель?

— Тридцать девять и два дня.

— Когда начались схватки?

— Часов в пять. Сначала редко, потом каждые семь минут. Сейчас чаще.

— Воды отходили?

— Нет.

— Кровянистые выделения были?

— Нет.

— Ребенок шевелился сегодня как обычно?

— Да. Недавно тоже.

Марина уже помогала ей устроиться для первичного осмотра. Я задала еще несколько обязательных вопросов, пока акушерка проверяла давление и пульс.

Все происходило как обычно. Почти.

Максим стоял возле двери и молчал. Я чувствовала на се-

бе его взгляд.

Оксана посмотрела на него.

— Ты чего там встал? Подойди.

Он шагнул вперед.

— Я здесь.

— Мне страшно.

— Все будет нормально.

Он погладил ее по плечу.

Я опустила глаза к экрану.

Вот теперь объяснений стало заметно меньше.

— Договор на роды у вас с собой? — спросила Марина.

— Да, — ответила Оксана. — В сумке. Максим, достань.

Он открыл кожаную сумку, висевшую у него на плече.

Я знала эту сумку. Купила ему на день рождения. Выбирала почти месяц, сравнивала модели, в итоге потратила больше, чем собиралась. Максим тогда обнял меня и сказал, что у него самая внимательная жена на свете.

Теперь он доставал из этой сумки документы на роды другой женщины.

Я смотрела на его пальцы. На обручальное кольцо. Наше кольцо. Он все еще носил его. Почему-то именно это оказалось особенно мучительным.

Не платье Оксаны, не ее живот и не то, как Максим гладил ее по плечу, — кольцо. Небольшая полоска белого золота, которую я видела каждое утро рядом со своей чашкой кофе.

— Вот, — сказал он и положил документы перед Мари-

ной.

Она проверила данные договора.

— У вас дежурная бригада, верно?

— Да, — ответила Оксана. — Нам говорили, что все будет готово.

— Конечно. Сейчас врач закончит первичный осмотр, и мы решим, куда вас проводить.

Оксана снова взялась за живот.

Я осторожно подошла ближе.

— Схватка?

Она кивнула.

Я дождалась, пока ей станет легче, и продолжила уточнять состояние. Марина послушала сердцебиение ребенка и сообщила показатели. На тот момент признаков немедленной угрозы не было. Это было важно. Мне нужно было знать, что я могу безопасно передать пациентку другому врачу.

Оксана глубоко вдохнула.

— Муж может остаться со мной?

Я замерла. Марина повернулась к Максиму.

— Вы будете присутствовать на родах?

Он открыл рот. Я почему-то заранее знала ответ.

— Да.

— Вы отец ребенка?

Максим посмотрел на меня.

В эту секунду я еще могла получить ложь. Он мог сказать, что просто сопровождает Оксану. Что ее муж в командиров-

ке. Что они знакомые. Что угодно. Но он ответил:

— Да. Я отец.

Гудела вентиляция, Марина перелистывала бумаги, за стеной разговаривали сотрудники. Я слышала все это и не могла разобрать ни слова.

Оксана заметила наше молчание.

— Максим?

Он не ответил.

— Вы знакомы? — спросила она.

Я посмотрела на нее.

У нее были красивые серые глаза. Длинные ресницы, аккуратные брови и почти прозрачная от напряжения кожа. Она казалась моложе своих двадцати девяти лет. На пальце не было обручального кольца.

— Да, — сказала я. — Мы знакомы.

— Откуда?

Максим сделал шаг вперед.

— Оксан, давай сначала...

— Откуда? — повторила она.

Он посмотрел на меня. Наверное, хотел, чтобы я помогла. Придумала удобный ответ. Отвлекла женщину. Нашла выход. Всю нашу семейную жизнь я очень часто находила выход.

Когда он забывал о годовщине свадьбы, я говорила, что сама ничего не планировала. Когда не приезжал на день рождения моей матери, объясняла срочной работой. Когда обе-

щал совместные выходные и в последний момент отменял их, первой предлагала перенести. Мне казалось, так поступают взрослые люди. Они понимают друг друга. Не делают проблемы из мелочей.

Но сейчас передо мной лежали документы на роды женщины, которая ждала ребенка от моего мужа. И помочь ему я уже не могла.

— Оксана Сергеевна, — сказала я, — сейчас главное ваше состояние. Я приглашу другого врача, который продолжит осмотр и будет заниматься вами дальше.

Она нахмурилась.

— Почему?

— У меня возникли личные обстоятельства, из-за которых лучше передать вас коллеге. На качестве помощи это не отразится.

— Какие обстоятельства?

— Вам сейчас не нужно об этом беспокоиться.

— Максим, что происходит?

Он провел ладонью по лицу.

— Оксана, пожалуйста...

Она посмотрела на мой бейдж. Потом снова на него.

— Вера Соколова?

Я молчала.

— Ты говорил, что она работает в другом месте.

Я услышала это и почувствовала, как похолодели пальцы. Значит, он рассказывал обо мне. Объяснял, где я работаю.

Наверное, говорил и о том, какая у него сложная семейная ситуация.

Интересно, что еще? Что мы давно не спим вместе? Что живем как соседи? Что я не понимаю его?

Оксана посмотрела мне в лицо.

— Вы его жена?

Я открыла рот. Но она вдруг согнулась от очередной схватки.

— Больно...

Все остальное пришлось отложить. Я проверила, что Марина рядом, и попросила ее вызвать Ольгу Седову.

— Позови Ольгу Викторовну. Скажи, нужна передача пациентки другому врачу. И пусть подойдет еще одна акушерка.

Марина внимательно посмотрела на меня.

— Хорошо.

Она вышла.

Максим шагнул ко мне.

— Вера, послушай...

— Не сейчас.

— Я понимаю, как это выглядит.

Я подняла на него глаза.

— Как это выглядит, Максим?

Он не ответил.

Оксана тяжело дышала на кушетке.

Я отвернулась к ней.

— Сейчас вам помогут. Попробуйте дышать спокойно между схватками. Коллега уже идет.

— Вы... — Она запнулась. — Вы действительно его жена?

— Да.

Ее лицо изменилось. Не от злости. Скорее от неприятного удивления.

— Но...

Она снова посмотрела на Максима.

Я не хотела слышать продолжение. Не здесь. Не во время ее родов. Не с бейджем врача на груди.

В коридоре послышались быстрые шаги. Ольга Викторовна вошла почти сразу. Невысокая женщина с короткой стрижкой, в светло-зеленом медицинском костюме. Она работала в центре дольше меня и умела одним взглядом определить, насколько серьезна ситуация.

— Вера, что случилось?

Я отвела ее на несколько шагов в сторону. Не стала шептать загадками.

— У меня личный конфликт с сопровождающим пациентки. Это мой муж. Пациентка ждет от него ребенка.

Ольга Викторовна несколько секунд смотрела на меня.

— Понятно.

Ни одного лишнего вопроса.

— Состояние?

Я коротко сообщила необходимые данные первичной оценки. Она выслушала, задала два уточняющих вопроса.

— Передавай мне. Дальше все организую.

Я кивнула.

Мы оформили передачу по обычному порядку. Я сообщила, что уже выяснила, какие обследования начаты, на что необходимо обратить внимание. Ольга Викторовна приняла ответственность за дальнейшее ведение пациентки и распорядилась о следующем этапе осмотра. Все заняло несколько минут.

За это время Максим дважды пытался заговорить со мной. Я не отвечала. Когда оформление закончилось, он подошел почти вплотную.

— Вера, пожалуйста. Помоги ей. Ты же лучший врач.

Я посмотрела на него.

— Я уже помогла, Максим.

— Ты понимаешь, что она рожает?

— Да. Именно поэтому ее сейчас ведет другой квалифицированный врач, который сможет полностью сосредоточиться на ней.

Он раздраженно выдохнул.

— Не надо так со мной разговаривать.

Я едва заметно улыбнулась, узнав до боли знакомую фразу.

«Не надо так разговаривать», «Не начинай», «Давай потом», «Сейчас неподходящее время». За восемь лет я слышала их столько раз, что могла без труда продолжить за него.

— Я разговариваю с тобой спокойно, — ответила я. — И

выполняю свою работу.

— Тогда останься хотя бы до...

— Нет.

Он замолчал.

Кажется, за весь наш брак я редко произносила «нет» так коротко, без объяснений и попытки смягчить.

— Вера...

— Оксана сейчас нуждается в твоем присутствии. Иди к ней.

Он посмотрел через плечо.

Ольга Викторовна что-то объясняла пациентке.

— Мы можем поговорить?

— Не здесь.

— Мне нужно тебе объяснить.

Я посмотрела на его обручальное кольцо.

— Обязательно объяснишь.

Он потянулся ко мне. Я отступила. И только тогда поняла, что все еще держу в руках ручку. Обычную синюю ручку с логотипом нашего центра. Я так сильно сжала ее, что на пальцах остались вмятины.

Марина коснулась моего локтя.

— Вера Андреевна, идите. Я здесь.

Я кивнула.

Вышла из приемного отделения. Закрыла дверь. Сделала несколько шагов по коридору. Потом остановилась.

Мне показалось, что сейчас я упаду. Ноги внезапно стали

ватными. Я прислонилась спиной к стене, закрыла глаза и попыталась вдохнуть.

Воздуха хватало. Но грудь словно сдавило изнутри.

«Он отец». Два слова, произнесенных мужем почти будничнo. Я слышала их снова и снова.

Сколько месяцев он знал?

Сколько раз возвращался домой от Оксаны?

Сколько раз целовал меня после встреч с ней?

Я вспомнила прошлую пятницу. Максим пришел поздно, усталый. Сказал, что весь день провел на переговорах. Я разогрела ужин. Он сел за стол, попросил чаю и рассказал, как один из клиентов пытался изменить договор уже после подписания.

Мы смеялись. Потом он обнял меня на кухне. Прижал к себе. И я подумала, что давно у нас не было такого спокойного вечера.

Тогда я еще не знала о беременности наверняка.

Сейчас меня затошнило. Я поспешила в служебный туалет. Умылась холодной водой. Постояла, держась за раковину.

В зеркале отражалась женщина с бледным лицом, покрасневшими глазами и выбившимися из прически прядями. Мой халат был слегка помят. Бейдж висел криво. Я поправила его. Почему-то именно это показалось необходимым.

Потом вспомнила про ребенка. Моего ребенка. Я приложила ладонь к животу.

Снаружи еще ничего не изменилось. Обычный плоский живот, который я привыкла видеть в зеркале. Но внутри уже происходило что-то совершенно новое.

Я должна была беречь себя. Спать нормально. Есть вовремя. Не доводить себя до изнеможения. Все это я годами объясняла пациенткам. И вот сейчас стояла в туалете собственного родильного центра и пыталась не расплакаться.

Получалось плохо.

Я снова умылась. Вытерла лицо бумажным полотенцем. Вышла.

В коридоре меня ждала Марина. Она стояла возле двери ординаторской, держа в руках мою бутылку воды.

— Вот, — сказала она. — Ты оставила.

— Спасибо.

Она посмотрела на меня.

— Это правда твой муж?

Я кивнула.

— Господи, Вер...

— Не надо.

Она сразу замолчала.

Я сделала несколько глотков.

— Пациентку передали?

— Да. Ольга Викторовна уже занимается.

— Хорошо.

— Хочешь, я с тобой посижу?

— Нет. Спасибо.

Марина сжала мои пальцы.

— Если что, я рядом.

И ушла. Я была ей благодарна именно за это. За то, что она не стала требовать подробностей и не предложила срочно рассказать, какой Максим подлец. У меня пока не находилось сил даже назвать произошедшее.

Я прошла в ординаторскую. Закрыла дверь. Села на ближайший стул. Сняла халат.

Потом посмотрела на телефон. От Максима пришло сообщение.

«Вера, не делай выводов. Я все объясню».

Я перечитала его три раза. После открыла нашу переписку и медленно пролистала назад.

Фотография ужина, который я приготовила на прошлой неделе.

Его сообщение о том, что задержится на работе.

Мой вопрос, купить ли ему новый чемодан перед командировкой.

Его ответ:

«Какой хочешь, любимая. Ты лучше разбираешься».

Я помнила, как выбирала этот чемодан. Он стоил почти сорок тысяч рублей. Максим тогда сказал, что у него важная поездка в Москву. Я вдруг задумалась, действительно ли он был в Москве.

Вспомнила, что после поездки он привез мне коробку дорогих конфет. Я съела их почти все за два вечера, потому

что очень любила шоколад с апельсиновой начинкой.

Меня затрясло. Я положила телефон экраном вниз. Потом снова взяла.

Мне захотелось позвонить Максиму. Потребовать, чтобы он пришел сюда немедленно. Чтобы сказал, как давно все это продолжается. Чтобы объяснил, зачем мы три месяца назад решили завести ребенка, если он уже ждал другого. И тут же захотелось никогда больше его не видеть. Оба желания были одинаково сильными.

Я посмотрела на часы: 19:48. С момента, когда я увидела Максима, прошло меньше сорока минут, а у меня было ощущение, что закончилась целая жизнь.

Я открыла контакт Лиды, собираясь позвонить. Сестра была старше меня на три года и обладала редким талантом говорить неприятные вещи без лишней жестокости.

Когда-то, еще до свадьбы, она сказала:

— Максим хороший мужик, Вер. Только смотри, чтобы его работа не стала твоей второй работой.

Я тогда обиделась.

А она пожала плечами:

— Я не против него. Просто ты умеешь заботиться обо всех, кроме себя.

Я вспомнила этот разговор и поняла, что не могу нажать кнопку вызова. Потому что Лида ответит. Скажет свое обычное: «Ну что там, младшая?» И мне придется произнести вслух, что мой муж привез любовницу рожать. Рожать свое-

го ребенка. В больницу, где работала я.

Я заблокировала экран.

Слезы все-таки потекли. Я плакала молча. Не от благородного желания сохранить достоинство. Просто боялась, что если начну рыдать в голос, то уже не смогу остановиться.

В дверь негромко постучали. Я быстро вытерла лицо.

— Да?

Дверь приоткрылась. На пороге стоял Андрей Михайлович Ратников. Наш главный врач. Один из владельцев центра. Человек, при появлении которого даже самые разговорчивые сотрудники старались вспомнить, закрыли ли они все рабочие вопросы.

Ему было сорок три года. Высокий, широкоплечий, с темными волосами, в которых у висков уже появилась седина. В обычные дни он ходил в костюмах без галстука, а во время работы в медицинских помещениях переодевался, как остальные.

Сегодня на нем была темно-серая рубашка с закатанными рукавами. Я заметила это почему-то очень отчетливо. Наверное, потому, что пыталась сосредоточиться на чем угодно, только не на собственной жизни.

— Вера Андреевна, можно?

Я кивнула. Он вошел и прикрыл дверь.

— Ольга Викторовна рассказала мне о ситуации.

Я отвернулась.

— Извините. Я понимаю, что вышло...

— Вы правильно организовали передачу пациентки.

Я посмотрела на него. Он стоял возле стола, не приближаясь.

— Сейчас не нужно оправдываться, — продолжил Андрей Михайлович. — Ольга Викторовна подтвердила, что помощь была обеспечена и передача оформлена. Вопросов к вашим действиям нет.

Я опустила глаза.

— Спасибо.

Он заметил мой халат, лежавший на соседнем стуле.

— Смена заканчивается через несколько минут. Вы можете уйти сейчас. Дальше вас подменят.

— Я могу закончить.

— Если хотите, конечно. Но это необязательно. Подмена уже есть.

Я вдруг разозлилась на себя: даже сейчас пыталась доказать, что способна работать. Будто после унижения мне непременно следовало сохранить безупречный вид.

— Я не хочу создавать проблемы коллегам.

— Вы их не создаете.

Он произнес это спокойно. Без особенного сочувствия. Наверное, поэтому я смогла наконец посмотреть ему в лицо.

— Я просто не знаю, что мне делать, — призналась я.

Андрей Михайлович немного помолчал.

— Сейчас?

Я кивнула.

— Сначала доехать домой. Поесть. Отдохнуть, если получится. Остальные решения могут подождать.

— Вы так говорите, будто все очень просто.

— Нет. Я говорю только о ближайшем вечере.

Мне нечего было возразить.

Он посмотрел на телефон, который я все еще держала в руках.

— Есть человек, которого вы хотели бы попросить приехать?

— Сестра.

— Позвоните ей.

Я попыталась разблокировать экран. Пальцы дрожали. Дважды ввела неправильный код. Почувствовала, как снова подступают слезы.

— Извините.

— За что?

Я не ответила.

Он немного подождал.

— Хотите, я наберу номер?

Я еще раз ввела код, разблокировала телефон и протянула его ему.

— Лида. В контактах.

Он нашел номер, повернул ко мне экран, чтобы я проверила, и только после моего кивка нажал вызов.

Лида ответила почти сразу.

— Вер, привет! Я тебе позже перезвоню, у меня...

— Добрый вечер, — сказал Андрей Михайлович. — Меня зовут Андрей Ратников, я работаю с Верой. Она попросила вас позвать.

На другом конце провода повисла пауза.

— Что случилось?

— Вера сейчас рядом. Передаю ей телефон.

Я взяла трубку.

— Лид.

— Вера? Что с тобой?

— Можешь приехать за мной?

— Конечно. Ты где?

— В центре.

— Ты больна?

— Нет.

— Вер, скажи нормально.

Я посмотрела на Андрея Михайловича.

Он отвернулся к окну, давая мне возможность говорить без постороннего взгляда.

— Мне просто очень плохо, — сказала я.

Голос дрогнул.

— Сейчас приеду, — ответила сестра. — Минут через двадцать. Сиди там, слышишь? Никуда не уходи одна.

— Хорошо.

— И не плачь, если можешь.

От этих слов я заплакала снова. Лида коротко выдохнула.

— Ладно. Плачь. Только дождись меня.

Разговор закончился, и я опустила телефон.

— Спасибо, — сказала Андрею Михайловичу.

Он кивнул.

— Сестра приедет?

— Да.

— Хорошо.

Его взгляд задержался на моем лице.

— Вам что-нибудь нужно до ее приезда?

Я уже собиралась привычно ответить, что все нормально. Но остановилась. Нормально не было. Совсем.

— Можно я просто посижу здесь?

— Конечно.

Он направился к двери. Потом остановился.

— Вера Андреевна.

Я подняла глаза.

— На завтра ваши приемы остаются в расписании. Если решите, что нужна замена, сообщите Ольге Викторовне. Она все организует.

— Я не собираюсь увольняться.

Слова вырвались неожиданно даже для меня. Андрей Михайлович посмотрел на меня с легким удивлением.

— Я этого и не предлагал.

Мне стало неловко.

— Простите.

— Не за что.

Он взялся за ручку двери.

— И еще. Если сегодня кто-то из сотрудников начнет расспрашивать вас о личном, можете отправлять ко мне. Я объясню, что это не относится к работе.

Я внимательно посмотрела на него. В его голосе не было обещания чудесным образом решить все мои проблемы. Он просто собирался сделать то, за что отвечал.

— Спасибо, — повторила я.

— Отдыхайте.

Дверь закрылась. Я осталась одна. Несколько минут просто сидела, глядя на стену.

Потом поднялась и аккуратно сложила халат. Мне хотелось занять руки чем-то обычным. Я убрала документы в шкафчик, проверила, ничего ли не оставила на столе, вымыла чашку. Только после этого достала сумку.

Рядом с кошельком лежал маленький бумажный пакет. Из магазина детских товаров. Я развязала тонкую ленточку. Внутри оказались белые пинетки. Два крошечных мягких ботиночка, которые я купила всего несколько часов назад.

Я взяла один на ладонь. Он помещался целиком. Наверное, даже на новорожденного будет велик.

Когда покупала, я представила, как Максим возьмет их двумя пальцами и сначала ничего не поймет. Потом рассмеется. Спросит:

— Это что, намек?

А я скажу:

— Это не намек. Это наш ребенок.

Я опустилась на стул и прижала пинетку к ладони. Боль была уже не только за себя. Я думала о ребенке, которому придется родиться в семью, которой больше не существовало. Я хотела подарить ему счастливых родителей, собиралась рассказывать, как папа ждал его, выбирал коляску, боялся опоздать в роддом.

А вместо этого...

Я положила ладонь на живот.

— Прости меня, — прошептала я.

И тут же испугалась собственных слов.

За что я просила прощения?

За то, что не знала? За то, что поверила мужу? За то, что не сумела уберечь семью от человека, с которым ее создавала?

Я прекрасно понимала, что не сделала ничего плохого. Но знания не всегда помогали чувствовать правильно.

Я вытерла слезы и осторожно убрала пинетки обратно.

Потом увидела конверт. Белый, плотный, с заключением обследования. Я приготовила его утром. Хотела положить на стол возле тарелки Максима. Он вернулся бы, поужинал, открыл конверт...

Я закрыла глаза.

Больше всего сейчас хотелось вернуться на несколько часов назад. Не знать. Хотя бы сегодня.

Провести еще один обычный вечер, в котором у меня был муж. И ребенок. И планы.

Я почувствовала, как телефон завибрировал. На экране появилось имя Максима. Я сбросила вызов.

Он позвонил снова. Потом пришло сообщение:

«Пожалуйста, не уходи. Нам надо поговорить».

Я посмотрела на эти слова. Он еще час назад написал, что у него срочное дело и он вернется поздно. И вот теперь хотел разговаривать. Потому что я увидела то, что он скрывал.

Я набрала: «Ты же занят». Посмотрела на ответ и стерла его. Потом написала: «Не сейчас» — и отправила.

Он ответил почти сразу.

«Вера, я не хотел, чтобы ты узнала таким образом».

Я долго смотрела на экран.

Какой странный выбор слов: не хотел, чтобы узнала таким образом. А каким хотел? За семейным ужином? После рождения его сына? На нашей годовщине? Или он вообще не собирался мне ничего рассказывать?

Мне захотелось спросить. Но я не стала.

Вместо этого открыла календарь. Завтра у меня было четыре приема и рабочее обсуждение программы поддержки женщин после выписки. Через неделю — плановое обследование. Через месяц мы с Максимом собирались в небольшой отпуск.

Он сам выбрал гостиницу. Обещал, что наконец проведем несколько дней вдвоем.

Я вспомнила, как два вечера назад сидела у него на коленях и показывала фотографии номера.

— Смотри, какой балкон.

— Хороший, — отвечал он, не отрывая взгляда от ноутбука.

— Ты даже не посмотрел.

— Вер, ну я же тебе доверяю.

Я тогда рассердилась совсем немного. А потом сама поцеловала его в висок. Он закрыл ноутбук и обнял меня.

Я помнила тепло его рук. Запах рубашки. Небольшую царапину на подбородке после бритья.

Все было настоящим. Вот что мучило сильнее всего. Не было никакого четкого момента, после которого можно было сказать: здесь закончилась наша любовь, а дальше началась ложь.

Он продолжал жить со мной. Завтракать. Обсуждать счета. Звонить, чтобы спросить, что купить к ужину. Спать рядом. И одновременно ждал ребенка от другой женщины.

Я посмотрела на свое обручальное кольцо — такое же, как у Максима. За восемь лет я почти никогда его не снимала. Сейчас медленно стянула с пальца и положила в маленький карман сумки. На коже осталась светлая полоска.

Не потому, что уже приняла все решения. Просто не могла больше смотреть на него.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Лида.

— Я подъехала, — сказала она. — Стою возле центрального входа. Ты можешь выйти?

— Сейчас.

— Хочешь, я поднимусь?

— Нет. Я сама.

— Хорошо. Жду.

Я встала. Переоделась. Проверила шкафчик и выключила свет в ординаторской.

До этого момента мне удавалось не думать о том, что Максим все еще находился в здании. Где-то совсем рядом. В родильном отделении. С женщиной, которая должна была родить его сына.

Я вышла в коридор. За стеклянными дверями виднелась часть холла. Кто-то из посетителей разговаривал по телефону. Сотрудница регистратуры объясняла мужчине, куда нужно пройти за документами. Обычный вечер.

Я остановилась возле кулера, сделала глоток воды из бумажного стаканчика и услышала за спиной:

— Вера.

Я сразу узнала голос. Максим стоял в нескольких шагах от меня. Без пиджака. Рукава рубашки закатаны, волосы растрепаны сильнее обычного. Он выглядел усталым.

Наверное, у него действительно был тяжелый день. Я вдруг едва не рассмеялась от собственной мысли.

Его любовница рожала. Муж встретил жену. Разумеется, день был тяжелым.

— Ты уже уходишь? — спросил он.

— Да.

— Подожди минуту.

Я остановилась. Он подошел ближе.

— Вера, я понимаю, что сейчас ты...

— Не надо говорить мне, что я сейчас чувствую.

Он сжал губы.

— Хорошо.

Мы стояли друг напротив друга. Мимо прошла санитарка с тележкой. Она поздоровалась со мной. Я ответила. Максим подождал, пока она уйдет.

— Я хотел объяснить все иначе.

— А что именно ты хотел объяснить?

Он провел рукой по волосам.

— Это непростая история.

Я посмотрела на него.

— Насколько непростая?

— Вера...

— Сколько ты с ней?

Он отвернулся.

— Давай не здесь.

— Ты сам меня остановил.

— Потому что я не хочу, чтобы ты ушла, думая...

— Думая что?

Он не ответил.

Я продолжала смотреть на него.

У нас за спиной была целая жизнь. Восемь лет. Общая квартира, поездки, семейные праздники, больницы, в которые мы ездили навещать родителей.

Я знала, как он любит кофе. Как складывает футболки. Как сердится, когда не может найти ключи. Знала, что он почти никогда не засыпает без включенного телевизора. И вдруг выяснилось, что я не знала самого главного.

— Максим, это твой ребенок?

Он посмотрел мне в глаза.

— Да.

Я почувствовала, как все внутри опустилось. Хотя ответ уже слышала. Наверное, какая-то часть меня все еще надеялась, что он скажет другое. Что я неправильно поняла. Что это невероятное совпадение.

— И ты знал?

— Конечно, знал.

Я медленно кивнула.

— Значит, все это время...

— Вера, пожалуйста. Не сейчас.

Он посмотрел в сторону родильного отделения.

— Оксана рожает. Я не могу оставить ее одну.

Мне захотелось спросить, почему он говорит это так, словно я требую бросить женщину в родах. Я ничего подобного не просила. Не просила даже подойти ко мне. Но Максим уже защищался. От обвинений, которые я еще не успела произнести.

— Я не прошу тебя ее оставлять, — сказала я.

— Тогда давай завтра спокойно обсудим.

Спокойно. Это слово прозвучало почти оскорбительно.

Мне хотелось кричать. Спросить, как можно спокойно обсуждать чужую беременность, когда я сама собиралась сообщить ему о нашей. Но я не сказала. Пока не могла.

Максим сделал еще один шаг.

— Вера, я тебя люблю.

Я посмотрела на него. И вдруг вспомнила, что сегодня утром он написал мне:

«Купи, пожалуйста, кофе. Дома закончился».

Вот в какой семье я жила. У нас заканчивался кофе. Мы собирались в отпуск. Он просил меня не забыть оплатить интернет. А где-то в городе женщина ждала от него ребенка. И вот теперь он стоял передо мной и говорил, что любит.

Я попыталась вспомнить, когда слышала эти слова в последний раз. Неделю назад? Месяц? На бегу, между звонками? В постели? Я не смогла.

— Не надо, — попросила я.

Он замолчал.

— Ты можешь хотя бы выслушать меня?

— Могу. Но не сегодня.

— Вера, я...

— Дома поговорим, Максим.

Он смотрел на меня.

— Когда?

— Когда ты закончишь здесь.

— Я не знаю, сколько это займет.

— Я подожду.

Он протянул руку. Мне показалось, что сейчас прикоснется к моему лицу. Как делал много раз. Когда хотел помириться после ссоры. Я отступила. Его рука остановилась в воздухе.

— Не трогай меня, пожалуйста.

Максим медленно опустил ее.

Впервые за весь вечер на его лице появилось выражение, которое я не смогла сразу определить. Может быть, он наконец понял, что произошло. А может, всего лишь испугался последствий.

Я не стала выяснять. Повернулась и пошла к выходу.

Он окликнул меня еще раз.

Я не обернулась.

В холле было тепло. Через высокие окна виднелись темные деревья и освещенная парковка. Я прошла мимо стойки администратора. Поздоровалась с охранником. Открыла стеклянную дверь.

Снаружи пахло дождем и мокрым асфальтом. Лида стояла возле своей машины. Увидев меня, она сразу перестала смотреть в телефон.

— Вер?

Я подошла. Она открыла пассажирскую дверь, но я не села. Просто остановилась рядом.

— Что случилось? — тихо спросила сестра.

Я посмотрела на нее. Лида всегда казалась мне человеком, который способен выдержать любую неприятную новость.

Но сейчас я вдруг испугалась даже за нее.

Потому что после моих слов наш привычный мир перестанет существовать не только для меня. Лида больше не сможет звонить Максиму и спрашивать, какой подарок купить мне на день рождения. Не сможет приглашать нас вдвоем на воскресные обеды. Не сможет рассказывать всем, какой у ее младшей сестры замечательный муж.

— Максим привез женщину рожать, — сказала я.

Лида нахмурилась.

— Какую женщину?

Я сглотнула.

— Свою любовницу.

Сестра несколько секунд смотрела на меня.

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Он сказал, что отец ребенка.

Лида медленно выдохнула.

— Садись в машину.

Я села. Она обошла автомобиль, устроилась за рулем и только после этого спросила:

— Куда едем?

Я посмотрела на освещенные окна родильного корпуса. Где-то там сейчас был Максим — мой муж, мужчина, с которым я собиралась прожить всю жизнь. Я снова видела перед собой, как он держит за руку другую женщину и ждет рождения сына.

А у меня в сумке лежали белые пинетки и заключение обследования на девятой неделе беременности.

— Домой, — ответила я.

Лида кивнула. Завела двигатель. Мы выехали с парковки.

Я положила ладонь на живот. Завтра предстояло сообщить Максиму о нашем ребенке, а я совершенно не представляла, как это сделать.

Глава 2. У нас тоже будет ребенок

Лида не задавала вопросов, пока мы ехали домой.

За окнами мелькали огни вечернего города. На перекрестках стояли машины, по тротуарам спешили люди, возле остановок собирались небольшие очереди. Кто-то возвращался с работы, кто-то торопился на свидание, кто-то покупал продукты к ужину.

Обычный вечер, каким он еще вчера был и для меня.

Я сидела, прижимая сумку к коленям, и смотрела на собственное отражение в боковом стекле.

Телефон завибрировал.

Максим.

Я сбросила вызов.

Через минуту он позвонил снова.

Лида покосилась на экран.

— Можешь выключить звук.

— Знаю.

— Тогда зачем смотришь?

Я не ответила.

Наверное, еще надеялась, что этот звонок все изменит.

Что Максим позвонит и скажет, будто все случившееся было каким-то чудовищным недоразумением. Что женщина, которую он привез рожать, ему совершенно чужая. Что я неправильно поняла их разговор.

Хотя он сам признал свое отцовство. Дважды.

— Вер, — осторожно позвала сестра, — ты уверена, что хочешь домой?

— А куда мне еще ехать?

— Ко мне.

— У тебя завтра работа.

— У меня всегда работа. Это не ответ.

Я повернулась к ней.

Лида вела машину, крепко держа руль обеими руками. Она редко показывала сильные эмоции, но сейчас сидела, сжав челюсти.

— Мне нужны вещи, — сказала я. — Документы. И я хочу поговорить с ним.

— Сегодня?

— Когда вернется.

— Он ведь сейчас с ней?

Я кивнула.

Лида ничего не сказала.

Мы остановились на светофоре.

Из соседней машины доносилась музыка. Молодая девушка за рулем подпевала, улыбаясь собственному отражению в зеркале.

Я вдруг подумала, что еще вчера тоже могла беззаботно смеяться.

Жизнь и тогда не была идеальной, но я еще не знала, насколько сильно ошибалась в человеке, с которым спала в од-

ной постели.

— Сколько ей лет? — спросила Лида.

— Двадцать девять.

— А ребенок?

— Мальчик.

Сестра повернула ко мне голову.

— Ты знаешь даже это?

— Он сказал, что отец. Я видела документы. Она рожала, Лид.

Последние слова вырвались неожиданно громко.

Я замолчала.

Лида снова посмотрела на дорогу.

— Прости. Я просто пытаюсь понять.

— Я тоже.

Телефон завибрировал в третий раз.

На этот раз пришло сообщение.

«Вер, пожалуйста, ответь. Я беспокоюсь».

Я прочитала его и вдруг почувствовала такую злость, что стало трудно дышать.

Мой муж беспокоился обо мне, пока находился рядом с женщиной, которая рожала его ребенка.

Как предусмотрительно.

— Что пишет? — спросила Лида.

Я показала ей экран.

Она коротко усмехнулась.

— Надо же.

— Что?

— Ничего. Просто интересно, в какой момент он начал беспокоиться.

Я выключила звук.

Больше смотреть на телефон не хотелось.

***

Наша квартира встретила меня запахом кофе.

Утром я варила его для Максима, хотя сама уже несколько дней не могла переносить привычный аромат. Он выпил чашку на кухне, прочитал новости и ушел, поцеловав меня в щеку.

Перед уходом попросил купить молока.

Я купила. Пакет стоял в холодильнике, и от этого было почему-то особенно больно.

Восемь лет семейной жизни не исчезали после одного разговора. Они оставались в мелочах, которые невозможно было немедленно выбросить.

Его тапочки возле дивана, зарядное устройство на подлокотнике, книга с заложенной страницей на прикроватной тумбочке. Моя чашка рядом с его чашкой и две зубные щетки в стакане.

Лида вошла следом, сняла пальто и огляделась.

— Ты ела сегодня?

— Да.

— Что?

— Печенье.

— Вера.

— И обедала.

— Нормально?

Я устало посмотрела на нее.

— Ты сейчас серьезно?

— Вполне. Я могу злиться на твоего мужа и одновременно спрашивать, когда ты последний раз ела.

Она прошла на кухню, открыла холодильник.

— Суп есть?

— На второй полке.

— Хорошо.

Я осталась посреди прихожей.

Лида достала кастрюлю, поставила на плиту и начала искать чистую тарелку.

Все это происходило так буднично, что у меня внезапно защипало глаза.

— Лид.

— Что?

— Я беременна.

Она замерла и медленно повернулась ко мне.

— Что?

— У меня девять недель.

Лида поставила тарелку на стол.

— Ты серьезно?

Я кивнула.

Она подошла ко мне.

— Ты давно знаешь?

— Три дня.

— И Максиму еще не сказала?

Я покачала головой.

Сестра несколько секунд молчала.

Потом осторожно взяла меня за руки.

— Ты хотела сегодня?

— Да.

Я попыталась улыбнуться.

— Купила пинетки. Представляешь? Мне тридцать четыре года, я акушер-гинеколог, прекрасно понимаю, что еще рано, а сама купила пинетки.

Лида притянула меня к себе.

Я уткнулась лицом в ее плечо.

— Я так радовалась, — прошептала я. — Лид, я была такой счастливой.

Она крепче обняла меня.

— Знаю.

— Нет. Ты не представляешь. Я три дня ходила и думала, как ему сказать. Придумывала всякую ерунду. Хотела ужин приготовить. Даже десерт заказала в нашей кондитерской.

— Вера...

— А он сегодня привез другую женщину рожать.

Я заплакала.

Совсем не так, как в больнице, где пыталась сдерживаться.

Теперь слезы текли без остановки. Я хватала воздух, пы-

талась что-то объяснить, но вместо слов получались какие-то жалкие всхлипы.

Лида молча держала меня, не требуя объяснений.

Когда я немного успокоилась, она усадила меня на кухонный стул, налила воды и подвинула тарелку с супом.

— Попробуй поесть.

— Не хочу.

— Хотя бы немного.

Я взяла ложку.

Суп был почти безвкусным.

Наверное, потому, что я никак не могла перестать плакать.

Лида села напротив.

— Ты была у своего врача после того, как узнала?

— Да. УЗИ делали три дня назад. Все соответствует сроку.

— А завтра?

— У меня назначен прием. Надо оформить наблюдение, обсудить анализы.

— Я могу поехать с тобой.

— Ты же работаешь.

— Перенесу одну встречу.

— Не надо.

— Хорошо. Если передумаешь, скажешь.

Я посмотрела на сестру. Вот за что я ее любила: резкая, упрямая, иногда невыносимая, она никогда не превращала помощь в услугу, за которую потом требовалось благодарить.

Я съела несколько ложек.

Потом спросила:

— Как думаешь, он собирался мне сказать?

Лида задумалась.

— Не знаю.

— А если бы я сегодня не работала в приемном?

— Вер...

— Если бы Оксана родила в другой больнице, я бы вообще ничего не узнала?

Сестра посмотрела на меня серьезно.

— Это нужно спрашивать у него.

— Я боюсь ответа.

— Понимаю.

— И еще я боюсь, что поверю ему.

Лида опустила взгляд на стол.

— Ты его любишь.

Я молчала.

Она продолжила:

— Восемь лет не выбросишь из головы за один вечер.

— Он сказал, что любит меня.

— А ты что ответила?

— Попросила не говорить этого.

Лида кивнула.

— Хорошо, что ты ему так и сказала.

Я провела ладонью по лицу.

— Что мне делать?

— Сегодня поесть и лечь спать. А завтра поговорить с ним, если захочешь.

— Он должен вернуться.

— Тогда я останусь.

— Лид, не нужно.

— Нужно мне. Я не хочу сейчас оставлять тебя одну.

Я не стала спорить.

***

В половине второго ночи я все еще лежала без сна.

Лида устроилась в гостевой комнате. Перед тем как уйти, она проверила, что у меня есть вода, и предупредила, что телефон оставит со звуком.

Я пообещала позвать ее, если понадобится.

Но что именно могло понадобиться?

Человек, которого я ждала, был причиной моего несчастья.

А единственное, чего мне хотелось, — чтобы этого дня вообще не существовало.

Я лежала на своей половине кровати. Вторая оставалась пустой.

Максим не любил, когда я занимала его подушку. Иногда шутливо отодвигал меня и говорил:

— Вер, у тебя целая половина. Не захватывай чужую территорию.

Я всегда смеялась.

Сейчас смотрела на его подушку и пыталась понять,

сколько раз он приходил домой после Оксаны.

Сколько раз ложился рядом со мной, не испытывая ничего, кроме усталости?

Я перевернулась на бок.

На тумбочке лежала фотография с нашего отпуска в Италии.

Максим обнимал меня за плечи. Я смеялась, запрокинув голову. На заднем плане виднелось море.

Снимок был сделан два года назад.

Интересно, тогда он еще любил меня?

Я взяла фотографию, провела пальцем по его лицу и вдруг вспомнила один из наших прежних вечеров.

Мне было двадцать семь. Я только получила новое место работы, страшно волновалась, почти не спала.

После особенно тяжелого дня Максим привез огромный пакет продуктов.

— Будем готовить, — объявил он.

— Я не умею.

— Я тоже. Тем интереснее.

Мы испортили ужин, заказали пиццу и до трех часов ночи сидели на полу в маленькой квартире.

Он рассказывал, каким хочет стать адвокатом, я говорила о собственных профессиональных планах. Мы оба верили, что сумеем построить хорошую жизнь.

Построили.

Только где-то по дороге Максим решил, что в ней может

поместиться еще одна женщина.

Я поставила фотографию обратно, но через минуту убрала ее в ящик.

Сейчас не могла смотреть.

Телефон лежал экраном вниз.

Я все-таки взяла его.

Последнее сообщение от Максима пришло около полуночи.

«Оксана пока в родильном. Я останусь здесь. Пожалуйста, не переживай. Завтра все обсудим».

Я прочитала последнюю строчку несколько раз.

Не переживай.

Мне очень хотелось написать ему, что я беременна.

Прямо сейчас, одним сообщением. Пусть прочитает, пока ждет рождения другого ребенка. Пусть хотя бы на минуту почувствует то, что чувствую я.

Я открыла переписку и набрала:

«У нас тоже будет ребенок».

Палец завис над кнопкой отправки.

Потом я стерла слова.

Нет.

Не так.

Я хотела посмотреть ему в лицо.

Хотела услышать, что он скажет.

И впервые за много лет не собиралась облегчать ему этот разговор.

***

Максим вернулся утром.

Я услышала, как в замке повернулся ключ, когда стояла на кухне с чашкой теплой воды.

Ночью удалось поспать часа два.

После шести я окончательно проснулась, приняла душ и переоделась в обычные домашние брюки и футболку.

Лида уже сидела в гостиной с ноутбуком. Она предупредила коллег, что первую половину дня поработает из дома.

В прихожей раздались знакомые звуки.

Максим поставил сумку, снял ботинки и положил ключи в деревянную миску на комоде.

Я сама купила эту миску после того, как муж третий раз за месяц потерял ключи.

Потом он появился в дверях кухни.

Вчерашняя рубашка была помята. Лицо осунулось, под глазами залегли тени. Он выглядел так, будто почти не спал.

И все равно оставался красивым. От этого было больно, и я ненавидела себя за то, что успела это заметить.

— Привет, — сказал он.

Я молчала.

Максим остановился возле стола.

— Как ты?

Вопрос прозвучал настолько нелепо, что я невольно усмехнулась.

— А как ты думаешь?

Он опустил глаза.

— Я всю ночь хотел позвонить.

— Ты звонил.

— Ты не отвечала.

— У тебя были другие дела.

Максим устало потер лицо ладонями.

— Вера, давай без этого.

Я поставила чашку.

— Без чего?

— Без таких замечаний. Я понимаю, что виноват. Но сейчас и так...

Он оборвал себя.

Я внимательно смотрела на него.

— Что сейчас?

— Ничего.

— Договаривай.

Максим отвел взгляд.

И я вдруг поняла.

— Она родила?

Он медленно кивнул.

— Да.

Я ухватилась за край столешницы.

Хотя прекрасно знала, чем должны закончиться роды.

Просто услышать это от собственного мужа оказалось невыносимо.

— Когда?

— В три сорок.

— Мальчик?

— Да.

Его лицо на мгновение изменилось.

Я увидела радость, которую он тут же попытался скрыть.

Наверное, потому, что стоял передо мной.

Но я успела заметить.

Максим был счастлив: у него родился сын, первый ребенок.

Тот, о котором мы когда-то говорили за завтраком, спорили, чью фамилию он получит и на кого будет похож.

Только матерью этого ребенка была другая женщина.

— Как они? — спросила я.

Он удивленно поднял глаза.

— Нормально. Оксана устала, конечно. Ребенок здоровый.

Я кивнула.

— Хорошо.

Максим сделал шаг ко мне.

— Вер...

— Как назвали?

Он замялся.

— Матвей.

Я посмотрела на него.

Матвей. Красивое имя. Мы тоже когда-то рассматривали его — не выбирали окончательно, просто обсуждали.

Я помнила, как Максим сказал, что Матвей Ланской звучит солидно.

Наверное, не стоило удивляться совпадению.

— Вы давно выбрали имя?

— Оксана предложила.

— А ты согласился?

— Вера, пожалуйста...

— Я просто спросила.

Он отодвинул стул, сел и провел рукой по лицу.

— Можно кофе?

Я посмотрела на него.

Он поднял голову.

— Что?

— Ничего.

Я отвернулась к окну.

Восемь лет я варила ему кофе по утрам. Даже когда не хотелось вставать, даже после ночных дежурств, даже когда мы ссорились. Я знала, как он любит начинать день.

И вот сейчас, вернувшись после рождения сына от любовницы, Максим первым делом попросил меня приготовить кофе.

Может быть, просто по привычке.

Может быть, надеялся, что если я начну делать обычные вещи, то все снова станет обычным.

— Кофемашина на прежнем месте, — сказала я.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом встал и сам

налил воду, достал чашку, нажал кнопку.

Я слушала знакомое гудение и злилась все сильнее. Вчерашняя вспышка прошла; теперь я злилась на его привычку ждать от меня заботы даже после такой ночи.

Я вдруг отчетливо поняла, что не знаю, сколько еще смогу находиться с ним в одной квартире.

— Лида здесь? — спросил Максим, заметив ее пальто в прихожей.

— Да.

Он нахмурился.

— Ты уже все рассказала?

— Да.

— Вера, это наши семейные дела.

Я медленно повернулась.

— Наши?

Он сжал губы.

— Ты поняла, что я имею в виду.

— Нет, Максим. Кажется, я вообще перестала понимать, что происходит в нашей семье.

— Не надо сейчас делать из этого...

— Из чего?

Он замолчал.

Я подошла к столу и села напротив.

— Скажи мне, как давно ты с Оксаной.

Максим вздохнул.

— Мы познакомились по работе.

— Я не спрашивала, где вы познакомились.

— Вера...

— Как давно?

Он посмотрел на часы, словно опаздывал на совещание. Я узнала этот жест: он всегда так делал, когда разговор становился неприятным.

— Давно, — наконец ответил он.

— Насколько?

— Больше года.

Я почувствовала, как похолодели руки.

Больше года.

Значит, прошлую годовщину свадьбы мы отмечали втроем. Только я об этом не знала.

— И все это время ты приходил домой?

— Я жил дома. Ты прекрасно знаешь.

— Спал со мной?

Он поморщился.

— Вера, зачем ты сейчас...

— Ответь.

— Да.

Я отвернулась. Хотелось немедленно принять душ, снять с себя одежду, выстирать постельное белье, хотя никакая стирка не могла изменить случившегося.

— Почему? — спросила я.

Максим молчал.

— Зачем тебе это было нужно?

— Я не планировал.

Я посмотрела на него.

— Что именно?

— Чтобы все зашло так далеко.

Он сцепил пальцы.

— Сначала ничего серьезного не было. Мы общались по работе. Потом как-то...

— Как-то?

— Вера, ты хочешь, чтобы я сейчас рассказывал каждую подробность?

— Я хочу понять, с кем прожила восемь лет.

Он резко выдохнул.

— Со мной. С человеком, которого ты знаешь.

— Нет, Максим. Человека, которого я знала, сейчас передо мной нет.

Он откинулся на спинку стула.

Несколько секунд мы молчали.

Кофемашина закончила работу. На кухне пахло свежим кофе — прежде любимым, теперь вызывавшим тошноту.

— Ты собирался уходить? — спросила я.

Максим поднял глаза.

— От тебя?

— Нет, от соседей. Конечно, от меня.

— Я не собирался разрушать наш брак.

Я коротко и невесело рассмеялась.

— Правда?

— Да.

— То есть ребенок от другой женщины никак не должен был повлиять на наш брак?

— Я понимаю, как это звучит.

— Тогда объясни.

Он потер переносицу.

— Я запутался.

Я ждала продолжения.

Но его не последовало.

— Ты запутался, — повторила я. — Больше года встречался с женщиной, сделал ей ребенка, привозил ее на обследования, выбирал роддом. И все это время просто не мог разобраться?

— Я не сказал, что невиноват.

— А что ты сказал?

— Что не хотел тебя потерять.

Эти слова на секунду заставили меня замолчать.

Он смотрел прямо на меня.

И, кажется, говорил искренне.

Это было хуже всего.

Максим действительно не хотел меня терять. Он хотел возвращаться домой, где я ждала его, готовила ужин; хотел ездить со мной на отдых, оставаться моим мужем и при этом не отказываться от другой женщины.

— Ты не хотел терять меня, — медленно произнесла я. — Поэтому решил оставить себе обеих?

— Все намного сложнее.

— Нет. Для меня теперь все довольно просто.

— Вера, не надо рубить с плеча.

— Ты правда считаешь, что я сейчас принимаю поспешное решение?

— Ты в шоке.

— Конечно, я в шоке! — Голос сорвался. — Вчера мой муж привез любовницу рожать в больницу, где я работаю! Ты представляешь, что это такое?

Он отвел глаза.

— Я не знал, что ты будешь в этом отделении.

Я замолчала.

Потом очень тихо спросила:

— Значит, ты все-таки думал об этом?

Максим поднял голову.

— О чем?

— О том, что можешь встретить меня.

— Конечно, думал. Но Оксана уже заключила договор. Она выбрала этот центр, потому что его рекомендовали знакомые.

— А ты не сказал ей, что я здесь работаю?

Он молчал.

Я наклонилась вперед.

— Максим.

— Я не хотел лишних вопросов.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Ты не хотел лишних вопросов, — повторила я. — Поэтому решил рискнуть тем, что мы встретимся прямо в приемном отделении?

— Обычно ты работаешь в другом корпусе.

И вот тогда мне стало окончательно ясно.

Он знал, где я работаю. Рассчитывал, что мы не встретимся и он сумеет обойти неприятности, как обходил их раньше.

— Ты бы не рассказал, — сказала я.

— Вера...

— Если бы мы вчера не встретились, ты бы вернулся домой. Попросил ужин. Рассказал про срочное дело. А утром снова ушел бы на работу.

Он опустил голову.

Я ждала хоть какого-нибудь возражения, но Максим молчал.

***

Мы просидели молча почти минуту.

Из гостиной доносился приглушенный голос Лиды. Она разговаривала с кем-то по работе.

Где-то в квартире тикали часы.

Я смотрела на Максима и постепенно понимала, что ждала от него совсем другого.

Мне хотелось увидеть, что он действительно осознал, какую боль причинил, а не просто ищет оправдания или просит прощения.

Но муж был занят другим.

Он подбирал слова, после которых я снова заговорила бы спокойно и, желательно, согласилась бы подождать.

— Вер, — наконец произнес он, — я знаю, что поступил ужасно. Но мы столько лет вместе. Неужели все, что у нас было, ничего не значит?

Я посмотрела на него.

— Значит.

Он словно оживился.

— Вот видишь.

— Именно поэтому мне так больно.

Его лицо снова стало напряженным.

— Я готов все исправить.

— Как?

— Мы поговорим. Найдем решение.

— Какое решение?

— Пока не знаю.

— А Оксана?

Он помолчал.

— У нас с ней тоже все непросто.

— Я не спрашивала, насколько у вас непросто. Ты собираешься быть с ней?

— Я сейчас не могу ответить.

Я кивнула.

— Понятно.

— Вера, она только что родила. Я не могу сейчас взять и оставить ее одну с ребенком.

— Я и не предлагаю.

— Тогда почему ты разговариваешь так, будто я обязан немедленно выбрать?

Я почувствовала, как меня снова начинает трясти.

— Потому что ты должен был выбрать раньше!

Максим вздрогнул.

Я встала и подошла к окну.

На парковке соседнего дома мужчина помогал женщине посадить маленького ребенка в машину. Малыш сопротивлялся, размахивал руками, пытался снять шапку.

Отец что-то сказал.

Женщина рассмеялась.

Обычная семья.

Я смотрела на них, пока они не уехали.

Потом повернулась к мужу.

— Три месяца назад мы разговаривали о ребенке.

Он поднял голову.

— Да.

— Помнишь?

— Конечно.

— Я сказала, что больше не хочу откладывать. Что мне важно понимать, собираешься ли ты вообще становиться отцом вместе со мной.

Максим молчал.

— Ты тогда согласился.

— Согласился.

— А Оксана уже была беременна?

Он медленно выдохнул.

— Да.

Я закрыла глаза. Знала ответ еще до того, как спросила, но все равно надеялась ошибиться.

— Почему, Максим?

— Потому что я не хотел, чтобы ты уходила.

Я открыла глаза.

Он сидел за столом, сгорбившись, словно вдруг стал ниже ростом.

— Ты тогда была настроена очень серьезно, — продолжил он. — Сказала, что не будешь ждать еще несколько лет. Я понял, что могу тебя потерять.

— И поэтому согласился на ребенка?

— Я хотел сохранить семью.

— А если бы я забеременела?

Максим посмотрел на меня.

— Мы бы справились.

— Кто это мы?

— Ты и я.

Я молчала.

— Вер, я же не говорил, что не хочу детей вообще. Просто раньше всегда было неподходящее время.

— А теперь подходящее?

— Да.

Он произнес это уверенно.

Я не считала его чудовищем, но меня пугало, что в его голове могли существовать две разные жизни, не мешающие друг другу. В одной он был отцом новорожденного мальчика, в другой продолжал планировать ребенка со мной и не видел между ними окончательного противоречия.

— Ты думал, что у нас не получится? — спросила я.

Максим нахмурился.

— Что?

— Ты согласился попробовать, потому что надеялся, что я не забеременею?

Он резко покачал головой.

— Нет. Никогда так не думал.

— Тогда на что рассчитывал?

— Не знаю, Вера!

Он впервые повысил голос, но сразу замолчал и потер лицо ладонями.

— Я не знаю, — повторил тише. — Я понимал, что придется что-то решать. Просто каждый раз откладывал.

Я отошла от окна.

На столе стояла его чашка кофе.

Он так и не сделал ни одного глотка.

Я посмотрела на чашку, потом на мужа.

— Я беременна, Максим.

Он не сразу понял.

Несколько секунд просто смотрел на меня.

— Что?

Сердце заколотилось. Вот и все — два слова вместо пинеток, семейного ужина и сюрприза.

— У меня девять недель беременности.

Максим побледнел.

— Вера...

Я молчала.

Он медленно поднялся.

— Подожди. Ты серьезно?

Я кивнула.

— Я узнала три дня назад.

Он смотрел на меня так, словно впервые увидел.

— И все это время молчала?

Я не поверила собственным ушам.

— Что?

— Почему ты мне не сказала?

Я рассмеялась.

На этот раз почти истерически.

— Почему я тебе не сказала?

— Вер, я не в том смысле...

— Я собиралась сказать вчера! Вчера вечером, Максим! Мы должны были ужинать дома. Ты обещал вернуться пораньше!

Он опустился обратно на стул.

Я продолжала, уже не пытаясь сдерживаться:

— Я выбирала, как тебе сообщить. Купила пинетки. Представляла твое лицо. А ты написал, что у тебя срочное дело!

Он закрыл глаза.

— Господи...

— У тебя действительно было срочное дело. Твоя любовница рожала.

Максим поднял голову.

— Вера, это же... Это же наш ребенок?

Я замерла.

Он тоже понял, как прозвучал вопрос.

— Я не это имел в виду, — быстро сказал он. — Конечно, наш. Просто... Ты беременна.

— Да.

— Девять недель?

— Да.

Он посмотрел на мой живот, потом снова на лицо и вдруг едва заметно улыбнулся, словно на секунду забыл обо всем остальном.

— У нас будет малыш.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Именно этих слов я ждала три дня, именно такую улыбку хотела увидеть.

Если бы он произнес их вчера, я бросилась бы ему на шею.

Но сейчас у него уже был сын от другой женщины.

Максим шагнул ко мне.

— Верочка...

Я отступила.

Он остановился.

— Не подходи.

— Но ты же...

— Не трогай меня.

На его лице появилось недоумение.

— Я просто хотел тебя обнять.

— Не надо.

— Вера, у нас будет ребенок. Ты понимаешь, что это значит?

Я посмотрела ему в глаза.

— Понимаю.

— Тогда давай не будем сейчас принимать никаких решений.

Я даже не удивилась.

Наконец нашлась причина, по которой я снова должна была подождать. Только теперь ею стал наш собственный ребенок.

— Максим, я хочу развестись.

Он замер.

— Что?

— Я хочу развода.

— Вера, ты с ума сошла?

Я медленно выдохнула.

— Нет.

— Ты беременна!

— Я знаю.

— И собираешься разрушить семью?

Вот тут я действительно не выдержала.

— Я?!

Максим поморщился.

— Я неудачно выразился.

— Ты завел любовницу. Больше года жил с ней и со мной одновременно. Сегодня ночью у тебя родился сын. А семью разрушаю я?

Он шагнул вперед.

— Я хочу сохранить наш брак!

— Тогда почему ты не думал об этом раньше?

— Думал!

— И что придумал?

Он замолчал.

Я смотрела на него.

На человека, который зарабатывал огромные деньги умением убеждать других, часами выступал в суде и находил нужные слова даже в самых неприятных ситуациях. Сейчас у него не было ответа.

— Вера, — произнес он наконец, — я понимаю, что тебе больно. Но ребенок не виноват.

Я кивнула.

— Не виноват.

— Значит, нужно думать о нем.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Тогда зачем развод?

Я посмотрела на него с усталым изумлением.

— Потому что я больше не могу тебе доверять.

Он провел рукой по волосам.

— Доверие можно восстановить.

— Наверное.

— Вот видишь.

— Но я не хочу прожить следующие годы, проверяя, где ты находишься и кому пишешь.

Максим молчал.

— Не хочу каждый раз думать, действительно ли ты на работе. Не хочу бояться, что у тебя снова появится женщина, о которой я узнаю случайно.

— Этого больше не будет.

— Ты уже говорил мне, что у нас все хорошо.

Он резко выдохнул.

— Люди совершают ошибки.

Я посмотрела на него.

— Ошибку можно совершить один раз, Максим.

— Вер...

— А ты больше года просыпался утром и снова выбирал мне лгать.

Он отвел глаза.

На несколько секунд я почувствовала неожиданное облегчение: впервые с момента нашей встречи в приемном отделении удалось произнести вслух то, что я действительно думала.

Я не хотела продолжать этот брак.

Даже ради ребенка.

***

Из гостиной донесся звук закрывающегося ноутбука.

Я обернулась.

Лида стояла в дверях.

На ней были джинсы и домашний свитер. Волосы собраны в высокий хвост.

Она посмотрела на меня, потом на Максима.

— Вера, ты в порядке?

Я кивнула.

— Да.

Максим нахмурился.

— Лида, мы разговариваем.

— Я заметила.

— Это касается нас двоих.

Сестра посмотрела на него таким взглядом, что он невольно выпрямился.

— Пока моя сестра нормально себя чувствует, я вмешиваться не собираюсь.

Он сжал губы.

— Тогда...

— Но если она попросит тебя уйти или сама захочет уехать, ты не будешь ей мешать.

— Это наш дом.

— Я знаю, Максим. Поэтому и не предлагаю тебе отсюда исчезнуть.

Я увидела, как напряглись его плечи.

— Послушай, Лида...

— Нет, это ты послушай. Я сейчас не собираюсь обсуждать с тобой вашу семейную жизнь. У меня нет ни желания, ни права решать за Веру. Но если она попросит помощи, я помогу.

Я осторожно коснулась ее руки.

— Лид, все нормально.

Она посмотрела на меня.

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

Я подумала.

Потом покачала головой.

— Нет. Мне надо собрать вещи.

Максим резко повернулся.

— Какие вещи?

— Свои.

— Зачем?

— Я поживу у Лиды.

— Вера, это глупость.

Я посмотрела на него.

Он сразу понял, что сказал не то.

— Я имею в виду, что тебе сейчас не нужно переезжать. Ты беременна. Здесь твой дом. Все устроено. Зачем тебе куда-то ехать?

— Потому что я не хочу сейчас жить с тобой.

— Но это же временно?

Я не ответила.

Лида молча отступила.

— Я буду в гостиной, — сказала она. — Позови, когда соберешься.

Я пошла в спальню.

Максим последовал за мной.

***

Наш шкаф занимал почти всю стену.

Слева висели мои платья и блузки. Справа — его костюмы и рубашки.

Я открыла ящик с домашней одеждой, достала несколько футболок, брюки, белье. Потом вынула чемодан.

Максим стоял у двери.

— Ты правда собираешься уехать?

— Да.

— Надолго?

— Пока не знаю.

Он сделал шаг в комнату.

— Вера, давай я сам сниму тебе квартиру, если нужно побыть одной. Хорошую, рядом с больницей. Зачем тесниться у сестры?

Я продолжала складывать вещи.

— Спасибо. Если решу снять квартиру, сделаю это сама.

— Вер, не надо из принципа усложнять себе жизнь.

Я остановилась.

— Ты действительно считаешь, что дело в принципе?

— Я хочу помочь.

— Тогда дай мне спокойно собраться.

Максим замолчал.

Несколько минут я складывала одежду.

Потом достала папку с документами.

Паспорт, полис.

Дипломы и сертификаты лежали в отдельной папке, их я тоже взяла.

Нашла документы на машину, банковские карты, зарядное устройство для телефона.

Обычные вещи, которые человек собирает перед поездкой. Только я не знала, когда вернусь.

Максим сел на край кровати.

— Ты не обязана уходить, — сказал он.

Я застегнула чемодан.

— Знаю.

— Это твоя квартира тоже.

Я подняла голову.

— Приятно, что ты помнишь.

Он устало потер лицо.

— Вера, я уже сказал, что виноват. Что еще ты хочешь услышать?

Я посмотрела на него и поняла, что не знаю. Наверное, никаких слов уже не хватило бы. Он мог сколько угодно просить прощения, обещать, убеждать, клясться, что больше никогда, но в родильном корпусе лежала женщина с его ново-

рожденным сыном. Этого невозможно было отменить.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое хотя бы на несколько дней, — ответила я.

Максим долго смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Я взяла сумку.

Он неожиданно поднялся.

— Подожди.

Я замерла.

Он подошел к тумбочке, открыл верхний ящик и достал небольшую коробку.

— Это тебе.

Я посмотрела на коробку.

Темно-синяя, с серебряной надписью известного ювелирного бренда.

— Что это?

— Я купил еще на прошлой неделе.

Он протянул ее мне.

— Открой.

Я не взяла.

Максим вздохнул и сам поднял крышку. Внутри лежал тонкий золотой браслет — красивый и наверняка дорогой.

— Я хотел подарить тебе на годовщину нашего знакомства, — сказал он. — Помнишь, через две недели?

Конечно, я помнила. Каждый год мы отмечали этот день:

иногда ужинали дома, иногда ходили в ресторан, однажды уехали на выходные в небольшой загородный отель. Я всегда ждала эту дату.

Теперь Максим протягивал мне браслет, словно подарок мог что-то исправить.

— Не надо.

Он нахмурился.

— Почему?

— Я не хочу его брать.

— Вера, это просто подарок.

— Именно поэтому и не хочу.

Он закрыл коробку.

— Ты сейчас отказываешься вообще от всего, что связано со мной?

Я посмотрела на него.

— Нет. Я собираюсь родить твоего ребенка, Максим. От этого я отказаться не могу и не хочу.

Он опустил руку.

Я взяла чемодан.

— Но украшения мне сейчас не нужны.

Максим отступил, пропуская меня.

***

Лида ждала в прихожей.

Увидев чемодан, молча поднялась.

— Все?

— Почти.

Я вернулась в спальню за сумкой, которую оставила на кресле.

И вдруг заметила на полу маленький бумажный пакет.

Тот самый.

С пинетками.

Я, наверное, выронила его, когда утром доставала документы.

Я подняла пакет и открыла его. Белые ботиночки лежали внутри, аккуратно сложенные.

Максим появился за спиной.

— Что там?

Я замерла.

На секунду захотелось спрятать пакет.

Потом поняла, насколько это глупо.

Он уже знал.

— Пинетки.

Максим подошел ближе.

Посмотрел внутрь.

Его лицо изменилось.

— Ты купила их для нашего малыша?

Я кивнула.

Он осторожно протянул руку, но я закрыла пакет, не дав прикоснуться к пинеткам. Максим остановился и несколько секунд молчал.

— Вер, я...

— Я хотела подарить их тебе вчера.

Максим опустил глаза.

— Прости.

Слово прозвучало тихо.

Без прежней уверенности.

Я посмотрела на него.

И на какое-то мгновение почувствовала то, что чувствовала раньше, когда он возвращался домой после трудного дня.

Хотелось подойти, обнять, сказать, что мы справимся. Мне стало страшно: эта привычка никуда не исчезла.

Я по-прежнему узнавала его усталость по опущенным плечам. Он почти не спал, и я знала, как ему хочется, чтобы кто-нибудь сказал: ничего, Максим, все наладится.

И раньше этим человеком всегда была я.

Но сегодня я не могла.

Я убрала пакет в сумку.

— Мне пора.

Он проводил нас до двери.

Лида взяла чемодан.

Я надела пальто.

Максим стоял совсем рядом.

— Я позвоню вечером, — сказал он.

— Не надо.

— Мне нужно знать, как ты.

— Напишу, если понадобится.

— А ребенок?

Я посмотрела на него.

— Что ребенок?

— Мне ведь можно будет узнавать, как проходит беременность?

Я задумалась.

Он был отцом.

Этот факт никуда не исчезал.

И я не собиралась делать вид, что будущий ребенок принадлежит только мне.

Но сейчас разговаривать о совместных походах на обследования, колясках и родах было невозможно.

— Мы обсудим это позже, — ответила я. — Когда немного успокоимся.

Он кивнул.

— Хорошо.

Лида открыла дверь.

Я вышла в подъезд.

И впервые за восемь лет не повернулась, чтобы поцеловать мужа перед уходом.

***

У Лиды была небольшая трехкомнатная квартира.

Она жила одна, любила порядок, яркие подушки и огромные чашки, в которых кофе остывал быстрее, чем она успевала его выпить.

В гостевой комнате стоял раскладной диван.

На нем я уже ночевала несколько раз, когда мы с сестрой устраивали девичьи вечера.

Тогда все было иначе.

Мы заказывали пиццу, смотрели фильмы, обсуждали мужчин, работу и чужие глупости.

Теперь я положила чемодан возле дивана и долго стояла, не зная, что делать дальше.

Лида занесла постельное белье.

— Вот. Полотенца в ванной. Если захочешь есть, в холодильнике есть нормальная еда, а не одно печенье.

Я попыталась улыбнуться.

— Спасибо.

— Не за что.

Она задержалась возле двери.

— Вер, я не буду спрашивать, что ты решила.

Я подняла глаза.

— Почему?

— Потому что ты сама еще не знаешь.

— Знаю.

Лида посмотрела на меня внимательнее.

— Что именно?

— Я хочу развода.

Она медленно кивнула.

— Хорошо.

Я удивилась.

— И все?

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю.

— Тогда пока ничего не скажу.

Я села на диван.

Лида подошла и устроилась рядом.

Некоторое время мы молчали.

Потом она спросила:

— Ты его еще любишь?

Я посмотрела на свои руки.

На безымянном пальце оставалась светлая полоска.

— Наверное.

— Это не делает твое решение неправильным.

Я кивнула.

Лида осторожно коснулась моего плеча.

— Знаешь, чего я сейчас больше всего хочу?

— Чего?

— Чтобы ты перестала думать, будто обязана немедленно стать сильной.

Я горько усмехнулась.

— А какой мне быть?

— Обычной. Злой, растерянной, уставшей. Какой получится.

Я посмотрела на нее.

— Ты всегда была умнее меня.

— Конечно. Я же старшая.

Мы обе улыбнулись.

И эта маленькая улыбка неожиданно принесла облегчение.

Через несколько минут Лида ушла работать.

Я осталась одна, разобрала вещи, положила документы в ящик и поставила на тумбочку бутылку воды. Потом достала пинетки. Долго смотрела на них и поняла, что совершенно не хочу их прятать.

Я поставила маленькие белые ботиночки рядом с лампой.

Пусть стоят.

Они не виноваты в том, что сделал Максим.

И мой ребенок тоже.

***

Во второй половине дня я поехала на прием к своему врачу.

Утром позвонила Ольге Викторовне и попросила заменить меня на сегодняшних консультациях.

Она не стала задавать личных вопросов.

— Конечно, Вера. Расписание распределим. Завтра по состоянию решишь, сможешь ли выйти.

— Спасибо. Я не собираюсь надолго пропадать.

— Ты никому сейчас ничего не должна доказывать. Пациенток мы не оставим без помощи.

Я поблагодарила ее и закончила разговор.

В собственной клинике мне было непривычно сидеть среди пациенток.

Я годами находилась по другую сторону врачебного стола, привыкла задавать вопросы, объяснять, успокаивать. Теперь сидела в коридоре и машинально прислушивалась к каждому

ощущению в животе.

В нескольких креслах от меня расположилась молодая пара.

Девушка держала в руках папку с документами, а ее муж листал что-то в телефоне.

Она наклонилась к нему.

— Смотри, я нашла коляску.

Он поднял глаза от телефона.

— Покажи.

— Вот эта. Только дорогая.

— Ничего. Посмотрим еще.

Она улыбнулась и положила голову ему на плечо.

Я отвернулась.

Они не делали ничего плохого. Я слишком хорошо знала это чувство: можно показать любимому человеку любую глупость, не страшно говорить о будущем, кажется, что вас двое и все самое сложное вы встретите вместе.

Медсестра пригласила меня в кабинет.

Моя врач, Елена Павловна, встретила привычной улыбкой.

— Вера, проходите. Как самочувствие?

Я села.

— Нормально.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Тошнота сохраняется?

— Немного. В основном по утрам.

— Есть боли, кровянистые выделения?

— Нет.

— Хорошо. Давайте посмотрим результаты обследования и обсудим дальнейшее наблюдение.

Мы говорили о сроках, анализах, питании, предстоящем скрининге.

Все было знакомо.

Я сама десятки раз объясняла пациенткам то же самое.

Но сейчас цеплялась за каждое слово.

Наверное, потому, что именно здесь моя жизнь пока оставалась понятной.

Беременность развивается; нужно наблюдаться, беречь здоровье, постепенно готовиться к появлению ребенка.

Все остальное было гораздо сложнее.

— Вера, — сказала Елена Павловна, когда мы закончили обсуждать план обследований, — вы сегодня какая-то очень напряженная.

Я попыталась улыбнуться.

— Просто тяжелые сутки.

Она кивнула.

— Понимаю. Если появились вопросы или жалобы, не терпите. Вы знаете, как со мной связаться.

Я поблагодарила ее.

Уже собиралась вставать, когда она спросила:

— На следующий прием вы планируете прийти одна или с супругом?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы ответить на этот обычный, совершенно естественный вопрос.

— Одна.

Елена Павловна не стала уточнять.

— Хорошо. Тогда запишем удобное для вас время.

Я вышла из кабинета с папкой документов.

В коридоре молодая пара все еще сидела рядом.

Девушка теперь показывала мужу фотографии детских кроваток.

Я прошла мимо.

На улице остановилась возле входа и глубоко вдохнула холодный воздух.

Мне хотелось плакать.

Но одновременно появилось странное спокойствие.

Со мной и ребенком сейчас все было хорошо.

Я могла заниматься своей работой, снимать квартиру, покупать продукты, оплачивать счета и выбирать, где буду жить.

Впереди было много сложного. Я не представляла, как буду справляться с младенцем одна.

Но пока никто не требовал от меня знать ответы на все вопросы.

Я достала телефон, открыла заметки и написала:

«Найти юриста по семейным делам».

Потом добавила:

«Посмотреть квартиры рядом с работой».

Немного подумала.

И третьим пунктом записала:

«Не забыть купить нормальный ужин».

От последнего почему-то захотелось улыбнуться.

***

Когда я вернулась к Лиде, на телефоне было несколько пропущенных вызовов от Максима.

И сообщение:

«Я заеду вечером. Нам нужно еще поговорить».

Я ответила:

«Не приезжай. Я не готова».

Он прочитал почти сразу.

«Вера, нельзя же так. Я твой муж».

Я смотрела на эти слова.

Потом набрала:

«Именно об этом я хочу поговорить».

Через несколько секунд телефон зазвонил.

Я долго смотрела на экран.

Потом ответила.

— Да.

— Вер, наконец-то.

Голос Максима звучал устало.

На заднем плане кто-то разговаривал.

— Ты где? — спросил он.

— У Лиды.

— Ты уже ездила к врачу?

— Да.

— Все нормально?

— Да.

Он шумно выдохнул.

— Слава богу.

Я ничего не сказала.

— Вер, я думал о нашем разговоре, — продолжил он. — Ты слишком резко решила все закончить.

— Максим, я не хочу обсуждать, насколько поспешным ты считаешь мое решение.

— Но мы ведь можем попробовать.

— Нет.

Он замолчал.

Я слышала его дыхание.

Потом он спросил:

— Ты хотя бы понимаешь, что беременной женщине одной будет трудно?

Я закрыла глаза.

Я боялась именно этого: собственную беременность мне начнут предъявлять как доказательство моей неспособности жить без мужа.

— Понимаю, — ответила я.

— Тогда зачем тебе все усложнять?

— Потому что жить с человеком, которому я больше не доверяю, мне будет еще труднее.

Максим раздраженно выдохнул.

— Я же сказал, что готов исправить ситуацию.

— А как именно?

— Я поговорю с Оксаной.

— О чем?

Он помолчал.

— О наших дальнейших отношениях.

Я прислонилась к стене.

— Максим, у вас есть ребенок.

— Я знаю.

— Ты не можешь просто объявить, что он больше тебя не касается.

— Я и не собираюсь!

— Тогда что ты хочешь мне предложить?

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Мы найдем способ жить дальше.

Я посмотрела на белые пинетки, стоявшие на тумбочке.

На бутылку воды.

На сложенную стопку одежды.

Это были мои вещи, за которыми уже угадывалась жизнь, постепенно отделявшаяся от его привычек и желаний. Я сама решала, как ее устроить.

— Максим, — сказала я спокойно, — я предлагаю оформить развод без суда. У нас пока нет общих несовершеннолетних детей. Давай подадим совместное заявление.

Он ответил не сразу.

— Нет.

Я крепче сжала телефон.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь разводиться с тобой в тот же день, когда узнал о твоей беременности.

— А когда собираешься?

— Вера, перестань.

— Я серьезно спрашиваю.

— Я тоже серьезно отвечаю. Сейчас я ничего подписывать не буду.

Я опустила глаза.

Странно.

Еще вчера такой ответ заставил бы меня сомневаться.

Я попыталась бы объяснить, убедить, подобрать слова, чтобы Максим понял мою позицию.

Но сейчас у меня больше не было желания его уговаривать.

— Хорошо, — сказала я.

Он словно растерялся.

— Что хорошо?

— Если не хочешь подавать совместное заявление, я обращусь в суд.

— Вера, ты не можешь...

— Могу, Максим.

Он замолчал.

Я продолжила:

— Я не собираюсь мешать тебе быть отцом нашего ребенка. Мы отдельно обсудим, как будем решать все вопросы после его рождения. Но оставаться твоей женой я не хочу.

— Ты потом пожалеешь.

Меня ранило, как быстро он перешел от просьб к уверенности, что знает мое будущее лучше меня. Сами слова я даже не восприняла как угрозу.

— Возможно, — ответила я. — Но это будет мое решение.

Он резко выдохнул.

— Я не узнаю тебя.

Я посмотрела на свое отражение в темном экране телевизора.

Усталая, растерянная женщина в домашней футболке, с темными кругами под глазами, без обручального кольца. Беременная.

Я тоже себя почти не узнавала.

— Я себя сейчас тоже, — призналась я.

Максим помолчал.

Потом его голос стал тише.

— Вера, я люблю тебя.

Я закрыла глаза.

Вчера эти слова причиняли почти физическую боль.

Сегодня они все еще ранили.

Но уже не заставляли меня забыть обо всем остальном.

— Я слышала, — ответила я.

— Тогда почему...

— Потому что мне теперь недостаточно только этих слов.

Он молчал.

Я подождала несколько секунд.

— Мне нужно отдохнуть. Не приезжай сегодня.

— Вера...

— Спокойной ночи, Максим.

Я закончила разговор, положила телефон на тумбочку и долго сидела неподвижно.

Потом встала, подошла к окну и раздвинула шторы.

За стеклом темнел двор. В соседнем доме горел свет, на одном из балконов сушились детские вещи. Наверное, кто-то сейчас готовил ужин.

Я смотрела на маленькие разноцветные комбинезоны и думала, что совсем скоро мне тоже понадобятся такие.

Только выбирать их я, наверное, буду одна.

Дверь тихо открылась.

Лида заглянула в комнату.

— Можно?

— Конечно.

Она вошла с двумя чашками чая.

Одну поставила передо мной.

— С кем разговаривала?

— С Максимом.

— И?

Я взяла чашку.

— Он не хочет разводиться.

Лида села рядом.

— А ты?

Я посмотрела на нее.

Еще вчера мне было бы страшно даже представить этот разговор.

Я не знала, как разделить нашу жизнь на две части.

Как возвращаться с работы в квартиру, где никто не ждет, как пережить беременность без мужа, как потом объяснить ребенку, почему мама и папа живут отдельно.

Все эти вопросы оставались.

Но впервые они не казались причиной продолжать несчастливый брак.

— А я хочу, — ответила я.

Лида кивнула и подвинула ко мне тарелку с бутербродами. Никаких поздравлений и обещаний, что теперь все обязательно будет прекрасно.

— Тогда ешь. Завтра у тебя будет много дел.

Я взяла бутерброд, откусила и неожиданно почувствовала настоящий голод — кажется, впервые за последние сутки.

Лида улыбнулась.

— Вот и хорошо.

Я посмотрела на белые пинетки.

Потом положила ладонь на живот.

Девять недель.

Мой ребенок был еще слишком маленьким, чтобы знать, что происходит вокруг.

А я пока не представляла, какой будет наша жизнь.

Но одно знала совершенно точно.

Максим мог не соглашаться на развод, просить подождать, обещать, что все исправит.

Только теперь я больше не собиралась ждать его разрешения начать новую жизнь.

Глава 3. Мое место здесь

На четвертый день после ухода от Максима я поняла, что больше не могу жить у сестры.

Лида ничем не мешала — наоборот, старалась вести себя так, будто ничего необычного не произошло. Уходила на работу, возвращалась, спрашивала, что купить к ужину. Не заглядывала в мою комнату без стука и не требовала рассказывать о каждом разговоре с мужем.

Вчера даже предложила посмотреть какой-нибудь фильм.

Я отказалась.

А потом услышала, как она разговаривает по телефону с подругой.

— Нет, в субботу не получится. Давай потом.

Лида говорила негромко, но двери в ее квартире были тонкими.

— Да ничего не случилось. Просто планы поменялись.

Я сидела на диване и смотрела на раскрытый чемодан.

Мне стало стыдно: сестра отказывалась от собственных планов ради меня. Хотя Лида ни разу не дала понять, что тяготится моим присутствием.

Утром я вышла на кухню раньше нее.

Поставила чайник, достала хлеб, сыр и приготовила два бутерброда. От запаха кофе меня по-прежнему мутило, поэтому я заварила чай.

Лида появилась минут через десять.

— Ого. Меня кормят?

— Представляешь.

Она села за стол.

— Что-то случилось?

— Я решила снять квартиру.

Сестра отложила бутерброд.

— Зачем?

— Чтобы жить.

— Вер, здесь тебе никто не мешает.

— Знаю.

— Тогда в чем дело?

Я поставила перед ней чашку.

— Ты уже четыре дня подстраиваешься под меня.

— И что?

— Вчера отказалась от встречи с подругами.

Лида посмотрела на меня с таким выражением, будто я сообщила нечто совершенно невероятное.

— Ты об этом?

— Да.

— Вера, я отказалась от встречи, потому что не хотела ехать через весь город в ресторан, где опять будут обсуждать чужие отпуска. Мне сорок минут пришлось бы слушать, кто куда летал.

— Тебе тридцать семь, а не семьдесят.

— Именно. В моем возрасте уже можно выбирать, куда не

ходить.

Я невольно улыбнулась.

Лида откусила бутерброд.

— Но квартиру ты все равно хочешь?

— Хочу.

Она немного помолчала.

— Тогда ищи. Только не первую попавшуюся, ладно?

— Я не собираюсь соглашаться на первую попавшуюся.

— Ты сейчас в таком состоянии, что вполне можешь.

— Спасибо за доверие.

— Пожалуйста.

Она отпила чай и посмотрела на меня внимательнее.

— Деньги есть?

— Есть.

— Я могу помочь с залогом.

— Лид...

— Не спорь раньше времени. Я не предлагаю тебя содержать. Просто если найдешь хороший вариант и понадобится немного добавить, скажи.

— Хорошо.

Она довольно кивнула.

— Вот. Уже лучше.

Я достала телефон.

За последние дни Максим написал мне одиннадцать сообщений.

Я не считала специально: переписка оставалась наверху, и

каждый раз, открывая телефон, я видела новые строчки.

«Ты нормально поела?»

«Не забывай про витамины».

«Если нужны деньги, скажи».

«Давай я хотя бы отвезу тебя на работу».

И вчера вечером:

«Вера, хватит меня наказывать. Нам обоим сейчас тяжело».

Я прочитала последнее сообщение еще раз.

Интересно, за что именно я его наказывала? За то, что не вернулась домой, за отказ выслушивать очередные объяснения? Или за то, что он впервые за восемь лет не знал, где я ужинаю и с кем разговариваю?

— Он опять пишет? — спросила Лида.

Я кивнула.

— Что на этот раз?

Я показала экран.

Сестра прочитала и вернула телефон.

— Не отвечай, если не хочешь.

— Я уже ответила.

— Что написала?

— Что больше не собираюсь обсуждать наш брак.

Лида посмотрела на меня с одобрением, но ничего не сказала.

Я открыла приложение с объявлениями о недвижимости.

Вчера вечером сохранила шесть квартир.

Три находились недалеко от центра. Еще две были на другом конце города, зато заметно дешевле. Последняя выглядела очень красиво, но стоила столько, что я могла бы сразу забыть о накоплениях.

Я удалила ее из списка.

Лида заглянула через плечо.

— Вот эта неплохая.

На фотографии была светлая кухня с большим окном.

— Далековато от работы.

— Зато ремонт нормальный.

— Мне сейчас важнее дорога.

Сестра посмотрела на меня.

— Ты ведь не собираешься продолжать работать в прежнем режиме?

— Почему нет?

— Потому что ты беременна, пережила сильный стресс и почти не спишь.

— Я уже обсудила график с Ольгой Викторовной.

— И?

— Буду работать днем, без дополнительных смен. Если понадобится, сокращу нагрузку.

— Хорошо.

Она снова занялась завтраком.

Я выбрала объявление, которое сохранила первым.

Небольшая двухкомнатная квартира в пятнадцати минутах ходьбы от центра. Не новая, без дизайнерского ремонта,

но чистая, светлая, с отдельной спальней.

Я нажала кнопку вызова.

Женщина ответила почти сразу.

— Слушаю.

— Доброе утро. Я по поводу квартиры на улице Белинского. Объявление еще актуально?

— Да, конечно.

— Можно сегодня посмотреть?

— После шести удобно?

Я взглянула на расписание.

— Вполне.

Мы договорились, и я положила телефон на стол.

Лида смотрела на меня поверх чашки.

— Ну вот. Первый шаг.

— Это всего лишь просмотр.

— А ты хотела сразу ключи получить?

Я покачала головой.

Сестра улыбнулась.

И впервые за последние дни мне действительно стало немного легче.

***

На работу я вернулась в понедельник.

Прошло пять дней с того вечера, когда Максим привез Оксану рожать.

За это время я успела несколько раз проснуться среди ночи с уверенностью, что все случившееся мне приснилось.

Но потом видела чужую комнату, свой чемодан возле стены и белые пинетки на тумбочке — и вспоминала.

В понедельник утром я долго стояла перед зеркалом.

Надела темные брюки, светлую блузку и удобные туфли. Волосы собрала в низкий хвост.

На безымянном пальце оставалась светлая полоска.

Я посмотрела на нее и опустила руку.

В коридорах «Берега» пахло привычными дезинфицирующими средствами и свежей выпечкой из маленького кафе на первом этаже.

Раньше этот запах нравился мне.

Сегодня от него немного мутило.

Я купила бутылку воды, поднялась в амбулаторное крыло и направилась к своему кабинету.

По дороге встретила Марину.

Она остановилась возле стойки регистрации.

— Вер!

Я обернулась.

Марина подошла ближе.

— Как ты?

Я посмотрела на нее.

Вопрос был обычным, но после случившегося я уже научилась различать в голосах людей осторожность.

— Работаю, — ответила я.

— Это я вижу.

Она помолчала.

— Тебе чего-нибудь принести? Чай? Печенье?

— Марин, я не умираю.

— Я в курсе. Но есть ты все равно должна.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо. У меня все есть.

Она кивнула.

Потом осторожно коснулась моего локтя.

— Если вдруг понадобится поговорить...

— Я знаю.

— Хорошо.

Марина отошла.

Я проводила ее взглядом.

За стойкой регистрации две сотрудницы быстро отвели глаза.

Наверное, им уже рассказали. Возможно, весь центр знал, что произошло; меня это не удивляло.

В медицинских учреждениях личные истории распространялись быстро, особенно когда в них участвовали сотрудники, их супруги и пациентки.

Но от понимания легче не становилось.

Я подошла к своему кабинету, открыла дверь и включила свет.

На столе лежала папка с расписанием приемов.

Рядом стоял маленький горшок с фикусом, который я купила еще три года назад.

У растения появилось два новых листа. Я потрогала один

пальцем и села за стол.

Через десять минут должна была прийти первая пациентка.

Я включила компьютер и начала готовиться к приему.

Работа помогала.

Когда передо мной сидела женщина, которая ждала ребенка, я переставала думать о Максиме.

Мне нужно было слушать, задавать вопросы, сопоставлять жалобы и результаты обследований, объяснять, что происходит. Боль не исчезала, но на несколько часов отступала.

После третьего приема я почувствовала усталость.

Раньше в это время обычно выпивала кофе и продолжала работать.

Теперь достала воду и несколько сухариков.

За окном шел мелкий дождь.

Я смотрела на мокрые ветки деревьев и думала, что после работы придется ехать смотреть квартиру.

Хотелось домой.

Но слово «домой» больше не имело понятного значения.

К Максиму я возвращаться не собиралась.

У Лиды было хорошо, но я все равно чувствовала себя гостьей.

Наверное, именно поэтому мысль о собственной квартире казалась такой важной.

Пусть маленькой, съемной, но своей хотя бы на ближайшие месяцы.

В дверь постучали.

— Вера Андреевна, можно?

Я подняла голову.

Ольга Викторовна Седова стояла на пороге с папкой документов.

— Конечно.

Она вошла, закрыла дверь и села напротив.

— Как первый день?

— Нормально.

— Пациенты?

— Все по расписанию.

— Устаете?

Я немного помолчала.

— Быстрее обычного.

Ольга Викторовна кивнула.

— Это понятно.

Она открыла папку.

— Давайте сразу обсудим ваш график. Документы о беременности вы передали. Ночных смен и дополнительных вызовов у вас не будет. Вечерние приемы тоже перераспределим.

— Я могу продолжать обычные дневные консультации.

— Пока состояние позволяет и нет других медицинских рекомендаций — конечно.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Вера, я не собираюсь отправлять вас домой только по-

тому, что вы беременны.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— Но и делать вид, что ничего не изменилось, не стоит.

— Понимаю.

— Хорошо.

Ольга Викторовна отметила что-то в документах.

Потом закрыла папку.

— И еще один вопрос.

Я напряглась.

Она заметила.

— Спокойно. Не о вашей семье.

Я невольно улыбнулась.

— Простите.

— Не за что.

Она достала несколько листов.

— Помните ваш проект сопровождения пациенток после выписки?

Я выпрямилась.

— Конечно.

Я подготовила его четыре месяца назад.

Идея появилась после нескольких случаев, когда выписавшиеся женщины звонили в центр с вопросами о восстановлении и уходе за ребенком: они не понимали, к какому специалисту обратиться.

Одна пациентка звонила три раза за сутки, не зная, счи-

тать ли ее состояние нормальным.

Другая призналась, что несколько дней боялась попросить помощи, потому что ей казалось, будто после выписки она должна справляться сама.

Третья пыталась записаться на консультацию, но не могла разобраться, к какому специалисту обращаться.

Я предложила небольшую программу сопровождения на первые недели после родов.

Программа не заменяла медицинскую помощь и не предполагала круглосуточной службы. Она давала понятный порядок связи с центром, согласованный контакт после выписки и возможность быстро узнать, куда обращаться при конкретных жалобах.

Мы несколько раз обсуждали предложение, потом его отложили из-за бюджета. Я уже почти перестала ждать ответа.

— Что с ним? — спросила я.

Ольга Викторовна положила передо мной лист.

— Андрей Михайлович вернулся к вопросу. Управляющий готов выделить средства на пилотный запуск.

Я посмотрела на документ.

— Серьезно?

— Да. Но есть условия.

Я быстро пробежала глазами первые строки.

Три месяца, ограниченное количество участниц, отдельный учет нагрузки сотрудников. Согласие пациенток на дальнейшее сопровождение.

— Это же отлично, — сказала я.

— Отлично будет, когда мы поймем, кто станет этим заниматься.

Я подняла глаза.

Ольга Викторовна улыбнулась.

— Вот именно. Вы в первом варианте написали слишком много задач на себя.

— Потому что я знаю, как это должно работать.

— А потом уйдете в декрет.

Я замолчала.

Она продолжила:

— Хороший проект не должен останавливаться из-за отсутствия одного человека. Даже если этот человек его придумал.

Я посмотрела на листы.

Она была права. Я взяла на себя почти все: первые беседы, контроль обращений, участие в разборе сложных случаев. Тогда мне казалось, что иначе никто не станет заниматься программой достаточно внимательно.

— Нужно пересмотреть распределение обязанностей, — сказала я.

— Именно.

Ольга Викторовна подвинула мне последний лист.

— В четверг будет рабочее обсуждение с Андреем Михайловичем и управляющим. Подготовьте обновленную схему. Сможете?

— Конечно.

— Только без героизма. У вас два дня и обычный рабочий график. Если не успеете, перенесем.

Я кивнула.

Она поднялась.

У двери задержалась.

— Вера.

Я посмотрела на нее.

— Что?

— Ваша личная ситуация не отменяет того, что вы хороший врач.

Я почувствовала, как к горлу подступил ком.

Ольга Викторовна заметила мое волнение, но не стала ждать ответа.

— Увидимся на совещании.

Дверь закрылась.

Я осталась сидеть с проектом в руках.

Четыре месяца назад я писала его дома, за кухонным столом. Максим несколько раз просил выключить ноутбук: мне ведь не платили за работу по вечерам. Я отвечала, что хочу довести идею до конца.

Он смеялся:

— Вер, ты когда-нибудь научишься отдыхать?

А я обещала, что скоро закончу.

Теперь проект снова лежал передо мной.

Только Максим больше не имел к нему никакого отноше-

ния.

И почему-то это казалось правильным.

***

Первую квартиру я посмотрела вечером.

Хозяйка, полная женщина лет пятидесяти пяти, встретила меня возле подъезда.

— Вы Вера?

— Да. Добрый вечер.

— Галина Петровна. Проходите.

Дом был старый, но аккуратный.

В подъезде недавно покрасили стены. Лифт работал, хотя поднимался с таким скрипом, что я невольно прислушивалась на каждом этаже.

Квартира находилась на пятом.

Галина Петровна открыла дверь.

— Вот. Смотрите.

Я вошла.

В прихожей пахло чистящим средством и немного старой мебелью.

Комнаты оказались меньше, чем на фотографиях, но окна были большие. На кухне стояли обычный стол, четыре стула и небольшой холодильник, в спальне — кровать, шкаф и комод. Все простое, чистое.

— Техника работает, — сообщила хозяйка. — Стиральная машина новая. Холодильнику четыре года. Если что-то сломается не по вашей вине, ремонт за мой счет.

Я кивнула.

— А соседи?

— Сверху семья с двумя детьми. Иногда шумят, но после десяти обычно тихо.

Я подошла к окну спальни.

Во дворе росли несколько деревьев, рядом были детская площадка и длинная скамейка.

Маленькая девочка в красной куртке бегала за мальчиком, который упрямо тащил за собой пластиковую машинку.

Я смотрела на них дольше, чем собиралась.

— Вы одна будете жить? — спросила Галина Петровна.

Я обернулась.

— Пока да.

— Понятно. Я просто уточняю для договора.

Она не стала задавать других вопросов.

Я была ей за это благодарна.

Мы обсудили стоимость аренды, залог, коммунальные платежи и условия договора.

Сумма оказалась немаленькой, но приемлемой: я могла позволить себе эту квартиру без помощи Максима.

— Когда можно заселиться? — спросила я.

— Хоть в выходные. Квартира свободна.

Я оглядела спальню: пустой комод, светлые занавески. Представила, как поставлю возле кровати маленькую лампу, разложу одежду, куплю пару растений. И поставлю на тумбочку белые пинетки.

— Я возьму, — сказала я.

Галина Петровна улыбнулась.

— Тогда давайте оформлять.

Мы договорились встретиться на следующий день для подписания договора и передачи ключей.

Когда я вышла на улицу, уже стемнело.

Я остановилась возле подъезда и достала телефон.

Хотела позвонить Максиму.

Привычка оказалась сильнее здравого смысла.

За восемь лет я привыкла сообщать ему обо всем: что купила, куда поехала, с кем встретилась, какая пациентка сегодня рассмешила меня, какая проблема случилась на работе.

Сейчас мне хотелось сказать:

«Макс, я нашла квартиру. Представляешь, всего пятнадцать минут пешком от центра».

Я даже открыла его контакт.

Но остановилась, погасила экран. И позвонила Лиде.

— Ну что? — спросила она вместо приветствия.

— Кажется, нашла.

— Хорошая?

— Нормальная. Чистая. Недалеко от работы.

— Цена?

Я назвала сумму.

— Подъемно, — сказала сестра. — Договор проверишь?

— Конечно.

— Молодец. Я помогу перевезти вещи.

Я посмотрела на освещенные окна квартиры.

— Лид?

— Что?

— Мне страшно.

Она помолчала.

— Знаю.

— Я никогда не жила одна.

— Жила до Максима.

— Тогда мне было двадцать шесть.

— И что?

— Тогда я была совсем другой.

Лида тихо рассмеялась.

— Сейчас ты гораздо опытнее. И денег у тебя больше.

Я тоже улыбнулась.

— Умеешь поддержать.

— Стараюсь.

Мы договорились о выходных.

Я убрала телефон и пошла к остановке.

Впервые за несколько дней у меня появился конкретный план, который никак не зависел от решений мужа.

***

На следующий день я встретилась с юристом.

Светлану Викторовну Егорову мне посоветовала знакомая, которая несколько лет назад занималась разделом имущества после развода.

Я специально выбрала специалиста, никак не связанного

с бюро Максима.

Мне не хотелось обсуждать собственную семейную жизнь с людьми, которые могли встречаться с мужем на профессиональных мероприятиях.

Офис Светланы Викторовны находился в небольшом деловом центре.

Она оказалась женщиной примерно сорока пяти лет, с короткой темной стрижкой и спокойным голосом.

Она выслушала меня без особенного удивления, записала несколько дат. Уточнила, когда был зарегистрирован брак, есть ли совместное имущество и согласен ли Максим на развод.

О беременности я сообщила сразу.

Она задала несколько дополнительных вопросов.

Потом отложила ручку.

— Значит, супруг отказывается подавать совместное заявление?

— Да.

— Причину объяснил?

— Говорит, что хочет сохранить семью.

— А вы?

— Не хочу.

Она кивнула.

— Тогда будем готовить заявление в суд. Само ваше положение не лишает вас права требовать расторжения брака. Но быстро обещать результат я не стану. Если супруг будет

настаивать на примирении, процесс может занять время.

Я почувствовала неприятное напряжение.

— Он адвокат.

Светлана Викторовна спокойно посмотрела на меня.

— Я поняла.

— У него большое бюро. Много связей.

— Это не означает, что он может запретить вам развестись.

Я опустила глаза.

— Понимаю.

— Вера Андреевна, вы хотите обсудить имущество в этом же процессе?

Я задумалась.

Квартира, машина Максима, мои накопления. Общие покупки, банковские счета, несколько инвестиций, которыми в основном занимался муж.

Я совершенно не представляла, сколько всего следовало проверить.

— Пока хочу развестись, — ответила я. — И понять, что будет с квартирой.

Светлана Викторовна открыла новую страницу.

— Тогда начнем с документов. Ничего подписывать под давлением не нужно. Имущественные вопросы можно рассматривать отдельно, когда будет полная картина.

— Максим предлагает оставить мне квартиру.

— На каких условиях?

— Пока не знаю.

— Тогда это не предложение, а разговор.

Я невольно улыбнулась.

Она тоже едва заметно улыбнулась.

— Не торопитесь соглашаться. Особенно если от вас попросят отказаться от других требований.

Я кивнула.

Мы обсудили необходимые документы — паспорт, свидетельство о браке, сведения о совместном имуществе — и подготовку заявления.

Я внимательно слушала и записывала.

Когда Светлана Викторовна спросила, собираюсь ли я возвращаться к мужу, ответила сразу:

— Нет.

Она не стала выяснять причины.

— Тогда будем исходить из этого.

Уже у двери я остановилась.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Вы часто занимаетесь разводами?

— Достаточно часто.

Я немного помолчала.

— А люди потом жалеют?

Светлана Викторовна посмотрела на меня.

— Иногда жалеют о разводе. Иногда о том, что слишком долго откладывали его. Но за вас я этого определить не могу.

Я кивнула.

Ответ оказался честнее, чем мне хотелось.

Она добавила:

— Вам необязательно сегодня быть уверенной во всем, что случится через год. Достаточно понимать, чего вы хотите сейчас.

Я вышла из кабинета с папкой документов.

На улице остановилась возле входа.

Максим звонил дважды.

Я набрала ему сообщение:

«Я начала оформление развода. По имущественным вопросам буду общаться через представителя. О беременности и ребенке готова разговаривать отдельно».

Отправила.

Ответ пришел через несколько минут.

«Ты серьезно решила втянуть в это посторонних людей?»

Я посмотрела на экран и убрала телефон в сумку.

Впервые за долгое время мне не захотелось немедленно объяснять собственный поступок.

***

В четверг утром я принесла обновленный проект Ольге Викторовне.

За два дня мне удалось сократить количество задач, которые изначально планировала выполнять сама.

Мы определили, какие вопросы будут решать медицинские сестры, какие потребуют консультации врача, а какие

должны направляться на очный прием.

Я подготовила предварительный расчет нагрузки.

Предложила начать с небольшой группы женщин, которые добровольно согласятся на сопровождение.

Круглосуточной доступности мы не обещали, личные телефоны сотрудников не давали. Все обращения должны были фиксироваться по внутреннему порядку центра с соблюдением конфиденциальности.

Ольга Викторовна просмотрела документы.

— Уже лучше.

Я облегченно выдохнула.

— Что нужно исправить?

Она указала на второй лист.

— Здесь у вас все равно слишком много задач у одного специалиста.

— Я думала, на первом этапе...

— Вера.

Я подняла глаза.

— Вы же сами говорили, что программа должна работать без вас.

Я вздохнула.

— Хорошо. Перераспределю.

Она улыбнулась.

— Вот теперь можно идти на совещание.

Я посмотрела на часы: без десяти одиннадцать. До встречи оставалось десять минут.

Мы поднялись в административное крыло.

Когда я вошла в переговорную, Андрей Михайлович уже сидел за столом.

Перед ним лежали распечатанные материалы.

Рядом устроился Сергей Викторович, управляющий центром.

Он поздоровался со мной и сразу начал рассказывать Ольге о какой-то проблеме с поставщиком.

Андрей Михайлович поднял голову.

— Доброе утро, Вера Андреевна.

— Доброе.

Его взгляд на секунду задержался на мне.

— Как себя чувствуете?

Я кивнула.

— Спасибо, хорошо.

— Отлично. Тогда начнем.

Он начал совещание, ни словом, ни взглядом не напомнив о том вечере. Я была ему благодарна.

Ольга Викторовна представила обновленный план.

Потом слово передали мне.

Я открыла презентацию.

Первые несколько минут говорила слишком быстро.

Сама это понимала, но никак не могла остановиться.

Потом Андрей Михайлович задал вопрос.

— Сколько женщин вы предполагаете включить в первый месяц?

Я посмотрела на таблицу.

— Не больше тридцати.

— Почему именно тридцать?

— Потому что на этом количестве мы сможем проверить реальную нагрузку. Если возьмем больше, есть риск, что сотрудники начнут пропускать обращения или формально закрывать задачи.

Он кивнул.

— Кто отвечает за контакт после выписки?

— Назначенная медицинская сестра. При согласии пациентки с ней связываются в заранее оговоренный срок.

— А если женщина сообщит о жалобах, требующих осмотра?

— Сестра не будет пытаться поставить диагноз по телефону. Она направит пациентку к врачу по установленному порядку. Для ситуаций, требующих немедленной помощи, будут отдельные инструкции.

Сергей Викторович сделал пометку.

— Сколько это будет стоить?

Я переключила слайд.

— Вот предварительный расчет.

Следующие десять минут мы обсуждали расходы.

Я ожидала, что Андрей Михайлович будет задавать вопросы о медицинской части.

Но его гораздо больше интересовало, кто и за что отвечает.

— Здесь у вас две сестры, — сказал он, указывая на таблицу. — А что будет, если одна уйдет на больничный?

— Отсутствующую сможет подменить сотрудник из заранее подготовленного списка.

— Кто будет его обучать?

— Я подготовлю материалы вместе с Ольгой Викторовной.

— А потом?

Я не сразу поняла.

— Что потом?

— Вы уйдете в декрет. Кто станет отвечать за обучение новых сотрудников?

Я посмотрела на документ.

Вопрос был справедливым и оттого неприятным: я действительно снова оставила за собой слишком многое.

— Нужно назначить постоянного ответственного, — признала я.

Андрей Михайлович кивнул.

— Вот теперь мне нравится.

Я подняла на него глаза.

— Что именно?

— То, что программа перестает зависеть от одного человека.

Я почувствовала раздражение.

— Но кто-то же должен отвечать за качество.

— Конечно. Только ответственность и незаменимость —

разные вещи.

Я хотела возразить, но посмотрела на собственную таблицу и промолчала. Он был прав, хотя признавать это не хотелось.

Ольга Викторовна внимательно наблюдала за нами.

Кажется, ей было немного смешно.

Совещание продолжалось почти час.

К концу мы согласовали несколько изменений. Сергей Викторович обещал уточнить бюджет, Ольга Викторовна должна была выбрать сотрудников для пилотного запуска, а мне предстояло окончательно оформить рабочую схему.

Когда управляющий вышел, я начала собирать бумаги.

— Вера Андреевна, задержитесь на минуту, — попросил Андрей Михайлович.

Я остановилась.

Ольга Викторовна взглянула на него.

— Я буду у себя.

Он кивнул.

Дверь закрылась.

Я осталась возле стола.

— Что-то еще по проекту?

— Да.

Андрей Михайлович взял мою первую версию расчетов.

— Вы здесь заложили почти двадцать дополнительных часов собственной работы в месяц.

Я посмотрела на лист.

— Это старый вариант.

— Знаю.

— Я уже исправила.

— Вижу. Но хочу понять, почему изначально вы решили делать все сами.

Я немного растерялась.

— Потому что мне важно, чтобы программа работала.

— Это понятно.

— Тогда в чем вопрос?

Он отложил бумаги.

— Вы не доверяете коллегам?

Я удивленно посмотрела на него.

— Конечно, доверяю.

— Тогда почему считаете, что только вы сможете правильно объяснить женщине порядок сопровождения?

Я не нашлась с ответом: вопрос оказался неприятно точным.

— Наверное, потому что я сама все придумала.

Он кивнул.

— Понимаю.

Я удивилась еще сильнее.

— Правда?

— Конечно. Когда мы открывали центр, я тоже пытался лично проверять каждую закупку и каждое расписание.

— И как?

Он едва заметно усмехнулся.

— Через полгода управляющий сказал, что либо я перестану мешать ему работать, либо он уйдет.

Я не удержалась от улыбки.

— И вы перестали?

— Не сразу.

— А сейчас?

— Иногда Сергей Викторович напоминает мне об этом разговоре.

Я искренне рассмеялась — ненадолго, но без прежнего напряжения.

Андрей Михайлович посмотрел на меня.

Его лицо смягчилось.

— Вот и отлично.

— Что?

— Значит, вы понимаете, что я не пытаюсь отнять у вас проект.

Я опустила глаза на бумаги.

Ему действительно нужно было, чтобы программа работала, а не чтобы я уступила ему свою идею.

— Понимаю, — ответила я.

— Тогда подготовьте окончательный вариант к понедельнику. Но в пределах рабочего времени.

Я подняла голову.

— Вы сейчас серьезно?

— Вполне.

— Я могу закончить сегодня вечером.

Он посмотрел на часы.

— У вас через двадцать минут прием. Потом еще два. Когда именно вы собираетесь работать над проектом?

Я замолчала.

Андрей Михайлович чуть улыбнулся.

— Вот видите.

— Вы всегда так разговариваете с сотрудниками?

— Как?

— Задаете вопросы, на которые они сами не хотят отвечать.

Он негромко рассмеялся. Столько тепла в его смехе я не ожидала.

— Только когда это помогает.

Я почувствовала, как у меня потеплели щеки.

Мы работали вместе пять лет, я десятки раз участвовала в совещаниях с Андреем Михайловичем и никогда прежде не замечала, что у него такая улыбка. Наверное, потому что улыбался он нечасто.

Я поспешно собрала бумаги.

— Спасибо. Я подготовлю окончательный вариант.

— Хорошо.

Я направилась к двери.

Но он остановил меня:

— Вера Андреевна.

Я обернулась.

— Да?

— Проект действительно хороший.

Я замерла.

Он продолжил:

— Идея появилась из реальной потребности пациенток. Это видно. Не потеряйте ее за расчетами и таблицами.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом кивнула.

— Не потеряю.

Вышла из переговорной.

И только в коридоре поняла, что улыбаюсь.

Похвала была приятна, но улыбалась я не из-за нее. Впервые за последние дни я разговаривала с мужчиной, не чувствуя необходимости оправдываться за каждое свое решение. Мы спорили, я не соглашалась, он задавал вопросы — и потом признал ценность того, что я сделала.

Это оказалось неожиданно важным.

***

К обеду настроение испортилось.

Я вышла из кабинета после консультации и увидела сообщение от Максима.

«Я сегодня разговаривал с твоим главным врачом».

Я остановилась посреди коридора.

Прочитала еще раз.

Потом набрала:

«Зачем?»

Ответ пришел быстро.

«Попросил его помочь организовать тебе нормальный отдых. Сейчас тебе не нужно столько работать».

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

«Что именно ты ему сказал?»

Максим позвонил.

Я ответила сразу.

— Ты зачем звонил Ратникову?

— Вера, спокойно.

— Не говори мне успокоиться. Ответь на вопрос.

Он вздохнул.

— Я хотел обсудить возможность временно освободить тебя от работы.

— Без моего согласия?

— Я твой муж.

Я закрыла глаза.

— И что?

— И мне не все равно, что происходит с тобой и ребенком.

— Максим, я сама обсуждаю свой график с руководством.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы принимать взвешенные решения.

Я крепче сжала телефон.

— В каком состоянии?

— Ты пережила сильный стресс. Не спишь. Живешь у сестры. Собираешься разводиться. И при этом продолжаешь работать так, будто ничего не произошло.

— Я работаю по согласованному графику.

— Вот я и хотел, чтобы тебе дали отпуск.

— А меня спросить ты не подумал?

Он помолчал.

— Я пытался помочь.

— Ты пытался решить за меня.

— Вер, не начинай.

Я узнала этот раздраженный голос. Снова те же слова, будто я была неудобным клиентом, который отказывался принимать очевидно выгодное предложение.

— Что ответил Андрей Михайлович? — спросила я.

Максим раздраженно выдохнул.

— Что такие вопросы он обсуждает только с сотрудником.

Я замолчала.

— И еще сказал, что у тебя есть непосредственный руководитель, — продолжил Максим. — Как будто я не знаю, как устроена больница.

— Он прав.

— Вера...

— Ты не имеешь права решать, когда мне уходить с работы.

— Я не решал. Я попросил.

— За моей спиной.

Он помолчал.

— Хорошо. Больше не буду.

Я не поверила.

Но спорить дальше не хотелось.

— Максим, если тебя волнует мое здоровье, спроси меня. Не моего начальника.

— Я спрашивал. Ты не хочешь разговаривать.

— О беременности я готова разговаривать. О возвращении в наш брак — нет.

— Ты опять за свое.

Я выдохнула.

— Мне нужно работать.

— Вот видишь!

— До свидания, Максим.

Я закончила разговор.

Несколько секунд стояла возле окна.

Сердце билось слишком быстро.

Я злилась, обижалась и неожиданно для себя стыдилась перед Андреем Михайловичем.

Он только что обсуждал со мной проект, задавал разумные вопросы, говорил о профессиональной ответственности.

А за несколько часов до этого мой муж пытался убедить его отправить меня домой.

Я представила, что Андрей Михайлович мог подумать.

Что я неспособна сама решать рабочие вопросы?

Что семейные неприятности мешают мне выполнять обязанности?

Что проще действительно дать мне отпуск, чем разбираться в чужом конфликте?

Чем больше я размышляла, тем сильнее хотелось немед-

ленно выяснить все напрямую.

Но сначала нужно было закончить приемы.

Я вернулась в кабинет, открыла карту следующей пациентки и сделала несколько медленных вдохов. Женщина, которая сейчас придет, не имела никакого отношения к моему браку — нужно было помнить об этом.

***

К Андрею Михайловичу я подошла после последнего приема.

Его кабинет находился на втором этаже административного крыла.

Секретарь, молодая девушка по имени Алина, подняла голову от компьютера.

— Вера Андреевна, добрый день.

— Здравствуйте. Андрей Михайлович у себя?

— Да. У него через пятнадцать минут встреча. Вам по какому вопросу?

Я немного помолчала.

— Личному. Но это касается работы.

Алина посмотрела на расписание.

— Подождите минуту.

Она позвонила руководителю.

Через несколько секунд кивнула.

— Проходите.

Я постучала.

— Войдите, — раздалось из кабинета.

Андрей Михайлович сидел за большим столом.

Перед ним лежали документы, на экране компьютера была открыта таблица.

Он поднял голову.

— Вера Андреевна. Что-то случилось?

Я закрыла за собой дверь.

— Можно задать вопрос?

— Конечно.

Я остановилась возле стола.

— Мой муж сегодня с вами разговаривал?

Андрей Михайлович несколько секунд смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Да.

Я почувствовала неприятное напряжение.

— О моей работе?

— Он хотел обсудить ваш график и возможность отпуска.

— И что вы ответили?

— Что такие решения обсуждаются с вами и вашим непосредственным руководителем. Если у вас есть медицинские рекомендации по ограничению нагрузки, мы их учтем. Самостоятельно отправлять вас в отпуск по просьбе супруга я не собираюсь.

Я медленно выдохнула.

— Спасибо.

Он немного нахмурился.

— Почему вы благодарите?

— Потому что не стали принимать решение без меня.

Андрей Михайлович отложил ручку.

— Вера Андреевна, вы взрослый человек и врач. Я не вижу причин обсуждать вашу работу с родственниками, если вы сами этого не просили.

От этих слов мне неожиданно захотелось плакать.

Я быстро опустила глаза.

— Понимаю.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы боялись, что я соглашусь?

Я молчала.

Потом призналась:

— Да.

— Почему?

Он спросил спокойно, без раздражения, и мне пришлось ответить честно.

— Потому что сейчас моя личная жизнь выглядит довольно неприятно. Я понимаю, что в центре уже многое обсуждают. Не хочу, чтобы из-за этого меня считали проблемным сотрудником.

Андрей Михайлович несколько секунд молчал.

Потом сказал:

— Вашу работу оценивают по вашей работе.

Я подняла голову.

— Даже после того, что произошло в приемном отделении?

— В тот вечер вы обеспечили помощь пациентке и правильно передали ее другому врачу. Ольга Викторовна все подтвердила. На каком основании это должно ухудшить вашу профессиональную оценку?

Мне нечего было ответить.

Он продолжил:

— Личные обстоятельства могут влиять на самочувствие. Если потребуется изменить график, мы это обсудим. Но пока вы выполняете обязанности, у меня нет причин отстранять вас от работы.

Я кивнула.

— Спасибо, Андрей Михайлович.

Он посмотрел на часы.

— Еще вопросы?

Я покачала головой.

— Нет. Простите, что отвлекла.

Я уже собиралась уйти, когда он произнес:

— Вера Андреевна.

Я остановилась.

— Да?

— Ваш проект остается в работе. Не нужно переживать из-за этого разговора.

Я посмотрела на него.

— Вы специально сказали?

— Что именно?

— Про проект.

Он слегка улыбнулся.

— Да.

Я почувствовала, как на лице появляется ответная улыбка.

— Тогда еще раз спасибо.

— Не за что.

Я вышла из кабинета.

В коридоре остановилась возле окна.

Несколько секунд просто смотрела на мокрые деревья во дворе.

Максим всегда говорил, что знает, как мне будет лучше.

Когда менять работу, когда заводить ребенка, сколько отдыхать, как правильно разговаривать с его родителями.

В последнее время я так привыкла к этим советам, что почти перестала замечать, как редко он спрашивал о моих желаниях.

Андрей Михайлович был моим руководителем; ни другом, ни тем более близким человеком я его не считала. И все же сегодня он сумел сделать то, чего я не могла добиться от мужа: не стал решать за меня.

Мне хотелось запомнить это чувство.

***

В субботу я переехала.

Лида приехала на своей машине. Я заказала небольшую грузовую перевозку для нескольких коробок и чемоданов.

Большую часть вещей оставила в общей квартире.

Мы со Светланой Викторовной уже договорились, что имущественные вопросы будем обсуждать отдельно. Я не собиралась отказываться от своей доли только потому, что временно живу в другом месте.

Максиму заранее написала, когда заберу оставшиеся личные вещи.

Он ответил сухо:

«Делай как считаешь нужным».

Я не стала продолжать переписку.

В новой квартире мы первым делом открыли окна.

Лида поставила на кухне пакеты с продуктами.

— Так. Посуда есть?

— Есть.

— Постельное белье?

— Купила.

— Полотенца?

— Лида.

— Что?

— Я не переезжаю на необитаемый остров.

Она засмеялась.

— Проверяю.

Мы разобрали вещи, повесили одежду, поставили книги на полку.

Я нашла в коробке старую фотографию, сделанную еще до свадьбы.

На ней мы с Максимом стояли возле маленького кафе.

Он обнимал меня за талию, я смеялась.

Лида заметила, что я остановилась.

— Убрать?

Я посмотрела на снимок.

— Пока положу в ящик.

— Хорошо.

Я была благодарна ей за то, что она не предложила порвать снимок и немедленно избавиться от всего прошлого. Оно существовало и не становилось полностью плохим только потому, что настоящее оказалось таким болезненным.

К обеду квартира начала выглядеть жилой.

На столе появилась скатерть, в ванной — мои полотенца, в спальне — одежда в шкафу.

Лида поставила на подоконник небольшой цветок.

— Это тебе.

Я удивилась.

— Откуда?

— Купила по дороге.

— Зачем?

— Чтобы было что поливать.

Я улыбнулась.

— Очень романтично.

— Зато практично.

Она обняла меня.

— Вер, если что, я рядом.

Я кивнула.

— Знаю.

— И ты можешь в любой момент приехать ко мне.

— Спасибо.

Лида задержалась еще на час: помогла собрать пустые коробки, проверила, работает ли стиральная машина. Потом надела пальто.

— Ну что, хозяйка?

Я посмотрела вокруг.

— Кажется, все.

Она улыбнулась.

— Тогда до завтра.

Когда дверь закрылась, я впервые осталась одна.

В квартире было очень тихо.

Я прошла на кухню, налила воды и постояла возле окна. Потом вернулась в спальню.

На тумбочке лежали белые пинетки.

Я осторожно поставила их рядом с лампой.

Они казались совершенно чужими среди взрослой мебели.

Маленькое обещание будущего, которого я пока боялась.

Я села на кровать.

Положила ладонь на живот.

— Ну что, малыш, — тихо сказала я. — Будем привыкать.

Ответа, конечно, не последовало.

Я улыбнулась собственным словам.

Потом огляделась.

Маленькая квартира с обычными обоями и старым шкафом не казалась особенно красивой, но мне вдруг стало спокойно.

Здесь не было Максима.

Не было его вещей, сообщений на холодильнике, привычного звука ключей в замке.

Никто не мог войти вечером и сказать, что я должна немного подождать, пока он решит, как жить дальше.

Я могла сама выбрать ужин, решить, когда лечь спать, оставить книгу на столе. Не оправдываться, если не хочу разговаривать.

Это были смешные мелочи.

Но именно они сейчас казались мне настоящей свободой.

***

В понедельник я принесла окончательный вариант проекта.

Ольга Викторовна просмотрела материалы и осталась довольна.

— Теперь уже похоже на рабочую программу, — сказала она.

— Это комплимент?

— В моем исполнении — большой.

Я засмеялась.

Она подписала лист согласования.

— Отнесите Андрею Михайловичу. Сергей Викторович уже подтвердил предварительный бюджет.

Я взяла папку.

— Хорошо.

В административном крыле было оживленно.

Алина разговаривала по телефону.

Увидев меня, прикрыла трубку ладонью.

— Вера Андреевна, проходите. Андрей Михайлович ждет материалы.

Я постучала.

Он сидел возле окна, просматривая документы.

— Добрый день.

— Добрый.

Я положила папку на стол.

— Окончательный вариант программы.

Он открыл первую страницу.

Несколько минут читал молча.

Я стояла рядом и вдруг почувствовала себя студенткой на экзамене.

Это раздражало: мне было тридцать четыре года, за плечами большой опыт работы, а я все равно ждала его оценки.

Андрей Михайлович поднял глаза.

— Вы перераспределили обучение.

— Да.

— И добавили контрольный этап через две недели после запуска.

— Мы обсудили это с Ольгой Викторовной.

Он перелистнул страницу.

— Хорошо.

Я выдохнула.

Он заметил.

— Волновались?

— Немного.

— Почему?

— Потому что вы задаете слишком много вопросов.

Он улыбнулся.

— Работа такая.

— У меня тоже.

— Вот поэтому я и спрашиваю именно вас.

Я посмотрела на него.

Он снова опустил глаза к документам.

Меня согревало то, как спокойно он говорил о моей компетентности. Принимал ее как факт, без удивления и особых оговорок; это было даже приятнее самой похвалы.

Через несколько минут Андрей Михайлович закрыл папку.

— Поддерживаю запуск пилотной программы.

Я не сразу поверила.

— Серьезно?

— Серьезно.

— То есть мы можем начинать подготовку?

— После окончательного согласования штатной нагрузки. Сергей Викторович этим займется. Ольга Викторовна подберет сотрудников. Вы подготовите материалы.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Это ваша идея, Вера Андреевна.

Он подвинул папку обратно.

— И, кстати, название я бы оставил.

Я посмотрела на первую страницу.

«Рядом после выписки».

Простое название, без громких обещаний. Я придумала его еще четыре месяца назад.

Максим тогда сказал, что звучит недостаточно солидно.

Предложил что-нибудь вроде «Комплексная программа постнатального сопровождения».

Я отказалась.

Мне хотелось, чтобы женщина, которая только что родила ребенка, сразу понимала смысл.

— Почему? — спросила я.

Андрей Михайлович пожал плечами.

— Потому что понятно.

Я улыбнулась.

— Максим говорил, что слишком просто.

Слова вырвались сами собой.

Я тут же пожалела.

Не хотела снова говорить о муже в рабочем кабинете.

Но Андрей Михайлович спокойно ответил:

— Иногда простота — достоинство.

Я кивнула.

Он закрыл документы.

— Вы уже обедали?

Я растерялась.

— Что?

— Обедали?

— Нет. Еще рано.

Он посмотрел на часы.

— Половина второго.

Я невольно рассмеялась.

— Правда?

— К сожалению, да.

— Я увлеклась работой.

— Заметно.

Он поднялся.

— Тогда идите обедать. Сегодня больше ничего по проекту делать не нужно.

— Вы опять распоряжаетесь?

Он остановился, посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся — широко, почти мальчишески.

— Хорошо. Считайте это настоятельной рекомендацией.

Я рассмеялась.

— Так лучше.

— Рад, что мы договорились.

Я взяла папку, направилась к двери и вдруг поняла, что не хочу уходить.

Мне хотелось еще немного поговорить с ним.

О Максиме, разводе и даже о проекте говорить не хотелось. Мне было интересно, чем он занимается по выходным, что любит читать, почему всегда пьет чай из одной и той же темно-синей кружки, хотя в кабинете стоял целый набор одинаковых белых чашек.

Я сама удивилась этим мыслям.

Мне было не до новых мужчин. Я только начинала развод, ждала ребенка от мужа, который предал меня, снимала первую за много лет отдельную квартиру.

И все же мне понравилась его улыбка и то, что он умел смеяться над собой. Рядом с ним я могла спорить и не ждать раздраженного:

«Вера, не начинай».

— Вера Андреевна?

Я обернулась.

Андрей Михайлович смотрел на меня с легким удивлением.

Наверное, я слишком долго стояла возле двери.

— Да?

— Вы что-то хотели спросить?

Я почувствовала, как щеки становятся теплее.

— Нет. Просто задумалась.

Он кивнул.

— Бывает.

Я уже взялась за ручку.

Потом неожиданно для самой себя повернулась.

— Андрей Михайлович.

— Да?

— Спасибо, что вернулись к моему проекту.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я вернулся к нему, потому что он заслуживает реализации.

— Все равно спасибо.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он улыбнулся.

На этот раз совсем немного.

Но почему-то именно эта улыбка запомнилась мне особенно ясно.

— Хорошего дня, Вера Андреевна.

— И вам.

Я вышла в коридор, прикрыла дверь и поймала себя на том, что улыбаюсь. Хотелось вернуться, сказать что-нибудь еще, какую-нибудь глупость — только бы снова увидеть его улыбку.

Я остановилась возле окна и покачала головой.

Нет.

Это уже было совсем некстати.

Но впервые за последние полторы недели вместо мыслей о потере мне хотелось продолжить разговор с человеком, которого я только начинала узнавать.

Глава 4. Вечер без объяснений

В двенадцать недель и три дня я проснулась в новой квартире и впервые не сразу вспомнила, почему рядом никого нет.

Рука привычно потянулась к другой половине кровати. Простыня оказалась холодной, и я открыла глаза.

За окном шел дождь. На подоконнике стоял цветок, который подарила Лида, а рядом с лампой лежали белые пинетки.

Несколько секунд я смотрела на них, потом медленно села.

Мне все еще снился Максим.

Иногда во сне мы были дома. Он возвращался с работы, снимал пиджак, спрашивал, что у нас на ужин. Я рассказывала ему о беременности, он обнимал меня, и все происходило именно так, как я представляла.

А потом просыпалась и вспоминала Оксану: ее большой живот, переплетенные пальцы. И слова мужа:

«Да. Я отец».

Я провела ладонями по лицу.

За последние две недели я перестала хвататься за телефон сразу после пробуждения, проверять, написал ли Максим. Больше не ждала, что он появится в дверях и объяснит, каким невероятным образом все это произошло.

Но привычка думать о нем никуда не исчезла.

Вчера вечером я почти автоматически купила его любимый сыр.

Увидела в магазине знакомую упаковку, положила в корзину, прошла несколько шагов и только потом поняла, что больше не готовлю ему завтраки.

Вернулась и положила сыр обратно.

Из-за такой мелочи я стояла возле холодильника в супермаркете и едва сдерживала слезы.

Сегодня было немного легче.

Я встала, открыла окно и впустила в комнату прохладный воздух.

В холодильнике обнаружились яйца, творог и половина огурца. Для человека, который совсем недавно самостоятельно вел семейный бюджет и регулярно составлял списки продуктов, запас выглядел довольно жалко.

Я приготовила омлет, села за маленький кухонный стол и раскрыла ноутбук.

Вчера Ольга Викторовна прислала замечания к программе «Рядом после выписки».

Мы готовили пилотный запуск.

После нескольких рабочих обсуждений удалось согласовать бюджет и предварительный состав команды. Оставалось решить, как именно организовать контакт с женщинами после выписки, чтобы программа действительно помогала, а не превращалась в дополнительную нагрузку для сотрудников.

Я открыла таблицу и сразу увидела знакомое замечание Андрея Михайловича.

«Предлагаю единый дистанционный порядок первого контакта. Нужно оценить доступность и нагрузку».

Рядом стояла дата следующего обсуждения — сегодня.

Я отложила вилку.

С одной стороны, предложение было разумным.

Звонок после выписки занимал меньше времени, чем очная консультация. Сотрудникам не пришлось бы выделять отдельные кабинеты, а женщины могли бы получить ответ, не приезжая в центр.

Но на своих приемах я видела и другое. Одни женщины не хотели разговаривать по телефону, другие не могли спокойно обсуждать личные вопросы дома. Им было важно прийти к врачу без мужа, свекрови и других родственников, которые из лучших побуждений отвечали за них. Теперь, когда мне самой постоянно предлагали готовые решения, я понимала их особенно остро.

Я сделала несколько пометок и посмотрела на часы. До выхода оставалось сорок минут.

Телефон завибрировал.

Максим.

Я вздохнула.

В последние дни он звонил реже, зато сообщения стали гораздо обстоятельнее.

Вчера прислал фотографию счета за коммунальные услу-

ги и спросил, не нужно ли мне перевести деньги. Позавчера предложил отвезти машину на обслуживание, до этого выяснял, почему я не забрала из квартиры зимнюю куртку.

Мы разговаривали только о необходимых вещах. Я старалась не вступать в обсуждение нашего брака.

Но Максим всякий раз находил повод продолжить.

Сегодня он написал:

«Доброе утро. Я заказал продукты, но не знаю, куда доставлять. Могу оставить у Лиды».

Я посмотрела на сообщение.

Потом набрала:

«Не нужно. Я покупаю продукты сама».

Ответ пришел почти сразу.

«Вера, это просто продукты».

Я отложила телефон.

Через минуту появилась следующая строчка.

«И почему ты не говоришь, где теперь живешь? Я ведь не чужой человек».

Я долго смотрела на экран.

Конечно, не чужой. Отец моего будущего ребенка, мужчина, с которым я восемь лет делила постель и который знал обо мне почти все. И больше года скрывал от меня другую женщину.

Я написала:

«По вопросам беременности я готова с тобой общаться. Но мне пока нужно отдельное пространство. Пожалуйста, не

присылай продукты и не пытайся выяснять мой адрес через других».

Максим прочитал, но не ответил. Я закрыла переписку, доела остывший омлет и отправилась собираться.

***

В центре меня встретила Марина.

Она стояла возле кофейного автомата и пыталась убедить его выдать напиток, за который уже заплатила.

— Это издевательство, — сообщила она, заметив меня. — Третий раз за неделю.

— Ты каждый раз подходишь к сломанному автомату?

— Он не сломанный. Он принципиальный.

Я рассмеялась.

Марина повернулась ко мне.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты смеешься.

Я вздохнула.

— Марин, только не начинай.

— И не собиралась.

Она нажала кнопку возврата денег, и автомат издал неприятный звук.

— Все. Я с ним развожусь.

Я посмотрела на нее.

Марина осеклась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.